

НАУЧНЫЙ
ФОРУМ
nauchforum.ru

ISSN: 2542-2162

№40(349)
часть 2

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СТУДЕНЧЕСКИЙ ФОРУМ

Г. МОСКВА

Электронный научный журнал

СТУДЕНЧЕСКИЙ ФОРУМ

№ 40 (349)
Декабрь 2025 г.

Часть 2

Издаётся с февраля 2017 года

Москва
2025

УДК 08
ББК 94
С88

Председатель редколлегии:

Лебедева Надежда Анатольевна – доктор философии в области культурологии, профессор философии Международной кадровой академии, член Евразийской Академии Телевидения и Радио.

Редакционная коллегия:

Арестова Инесса Юрьевна – канд. биол. наук, Первый МГМУ им. И. М. Сеченова, Ресурсный центр «Медицинский Сеченовский Предуниверсарий» (г. Москва);

Бахарева Ольга Александровна – канд. юрид. наук, доц. кафедры гражданского процесса ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», Россия, г. Саратов;

Гайфуллина Марина Михайловна – кандидат экон. наук, доцент, доцент Уфимской высшей школы экономики и управления ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет», Россия, г. Уфа;

Дорошко Виталий Николаевич – канд. экон. наук, доцент, кафедра мировой и национальной экономики УО «Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации»;

Зорина Елена Евгеньевна – кандидат пед. наук, доцент, доцент кафедры «Межкультурные коммуникации и общегуманитарные науки» Санкт-Петербургского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Санкт-Петербургского филиала Финуниверситета);

Мартышкин Алексей Иванович – канд. тех. наук, доцент, доцент кафедры «Вычислительные машины и системы» Пензенского государственного технологического университета;

Немирова Любовь Федоровна – канд. техн. наук, доц. кафедры конструирования и технологии изделий легкой промышленности, ГБОУ ВПО «Омский государственный технический университет», Общество с ограниченной ответственностью «МИНСП»;

Попова Ирина Викторовна – д-р социол. наук, проф. кафедры истории России Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, Россия, г. Кострома;

Севостьянова Ольга Игоревна – кандидат биологических наук, доцент, руководитель управления инновационных образовательных программ Ставропольского государственного аграрного университета, г. Ставрополь;

Шайтура Сергей Владимирович – канд. техн. наук, доцент, Российский университет транспорта, кафедра Геодезии и геоинформатики, ректор Института гуманитарных наук, экономики и информационных технологий г. Бургас, Болгария.

С88 Студенческий форум: научный журнал. – № 40(349). Часть 2. М., Изд. «МЦНО», 2025. – 64 с. – Электрон. версия. печ. публ. – <https://nauchforum.ru/journal/stud/49>.

Электронный научный журнал «Студенческий форум» отражает результаты научных исследований, проведенных представителями различных школ и направлений современной науки.

Данное издание будет полезно магистрам, студентам, исследователям и всем интересующимся актуальным состоянием и тенденциями развития современной науки.

ISSN 2542-2162

ББК 94
© «МЦНО», 2025 г.

Содержание

Статьи на русском языке	5
Рубрика «Экономика»	5
ЭФФЕКТИВНОСТЬ ВНУТРЕННЕГО КОНТРОЛЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ Агранович Екатерина Романовна	5
ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ Березовская Полина Олеговна Амброжейчик Мария Григорьевна Забродская Наталия Георгиевна	10
ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ Евменькова Екатерина Николаевна Шевцова Вера Викторовна	14
ВЛИЯНИЕ ИНФЛЯЦИИ НА ФИНАНСОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ ДОМОХОЗЯЙСТВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ВЫБОР МЕЖДУ ПОТРЕБЛЕНИЕМ И СБЕРЕЖЕНИЯМИ Наливко Полина Андреевна Шевцова Вера Викторовна	18
ТАРГЕТИРОВАНИЕ ИНФЛЯЦИИ: ПРИНЦИПЫ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ В УСЛОВИЯХ РАЗВИВАЮЩИХСЯ ЭКОНОМИК Протасовицкая София Руслановна Шевцова Вера Викторовна	21
СОВРЕМЕННЫЕ СТРАТЕГИИ БРЕНДИНГА ГОРОДОВ: ТЕОРИЯ И ПРИМЕНЕНИЕ НА ПРИМЕРЕ КАРАКАСА Родригес Кастильо Сесар Даниель	24
ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ПРОЦЕССЫ ЛОГИСТИКИ Фоломеева Ангелина Владиславовна Дубовик Ирина Борисовна	27
Рубрика «Юриспруденция»	29
ОСОБЕННОСТИ ДОГОВОРА АРЕНДЫ ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА, НАХОДЯЩЕГОСЯ В ЧАСТНОЙ, МУНИЦИПАЛЬНОЙ ИЛИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ Анохина Елена Алексеевна	29
ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДОГОВОРА АРЕНДНЫХ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ В ГРАЖДАНСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ Анохина Елена Алексеевна	32
ПРОБЕЛЫ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПРЕСТУПНОСТИ: КАК УТРАТА ПРОКУРОРОМ ПРАВА ВОЗБУЖДАТЬ УГОЛОВНЫЕ ДЕЛА ОСЛАБЛЯЕТ ФУНКЦИЮ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ Атабаева Анастасия Сергеевна Агеев Александр Николаевич	35

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ГОСУДАРСТВА Костоев Рашид Васланович Темерсултанов Тамирлан Хасанович Плотникова Юлия Анатольевна	39
ОБЗОР АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ, СВЯЗАННЫХ С ЗАЩИТОЙ НАСЛЕД-СТВЕННЫХ ПРАВ Ларюшкин Максим Николаевич	41
ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ (ПОРЯДОК) ВЫПОЛНЕНИЯ УДАЛЁННОЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ НАДПИСИ НОТАРИУСА ПО РОССИЙСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ Парфенова Алена Андреевна Глушков Александр Иванович	44
ОПТИМИЗАЦИЯ ПРОЦЕДУРЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРОВ АРЕНДЫ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ, НАХОДЯЩИХСЯ В ФЕДЕРАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ, В ЦЕЛЯХ СТРОИТЕЛЬСТВА ОБЪЕКТОВ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА ОБЩЕГО ПОЛЬЗОВАНИЯ Пимонова Анастасия Андреевна Кожокарь Игорь Петрович	49
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ АНАЛИЗА ДАННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ ДЛЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ Пиронзода Сафарали Умарали	53
Papers in English	56
Rubric «Pedagogy»	56
CHALLENGING OF FOREIGN LANGUAGE LEARNING IN PRIMARY SCHOOL IN KAZAKHSTAN Turarbekkyzy Karim Nurgul Sembayeva Zhanagul Kostanaykyzy	56
Rubric «Philology»	61
THE IMPACT OF ENGLISH AUDIO MATERIALS ON ENGLISH LEARNING Aryntaikyzy Ademay Aryntaikyzy Altynay Bussygina Tatyana	61

СТАТЬИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ**РУБРИКА****«ЭКОНОМИКА»****ЭФФЕКТИВНОСТЬ ВНУТРЕННЕГО КОНТРОЛЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ**

Агранович Екатерина Романовна

*студент,
Российский экономический университет
им. Г.В. Плеханова,
РФ, г. Москва*

В современных условиях динамичной цифровой трансформации экономики проблема построения результативной системы внутреннего контроля приобретает особую значимость и становится неотъемлемым элементом управления организацией. [4] Расширение цифровых технологий охватывает производственный сектор, сферу услуг, государственное управление и финансовые институты, радикально изменяя конфигурацию информационных потоков, ускоряя обработку данных и создавая новые инструменты для оперативного мониторинга хозяйственной деятельности. Одновременно цифровизация порождает дополнительные риски, связанные с обеспечением кибербезопасности, управлением возникающими цифровыми угрозами и необходимостью постоянного повышения компетенций персонала.

Эффективный внутренний контроль является одним из ключевых инструментов обеспечения надежности финансовой и управленческой информации, соблюдения нормативных требований и достижения стратегических целей [9]. Для государственных организаций внутренний контроль обеспечивает прозрачность расходования бюджетных средств, снижает риски финансовых нарушений и повышает доверие общества к органам власти [5]. В коммерческих компаниях контроль способствует рациональному использованию ресурсов, предотвращению ошибок и злоупотреблений, а также повышению общей устойчивости бизнеса. [8]

Цель статьи заключается в анализе современных подходов к развитию системы внутреннего контроля в условиях цифровизации, выявлении проблем внедрения цифровых инструментов и формулировании практико-ориентированных рекомендаций по повышению результативности контрольных процедур.

Внутренний контроль понимается как совокупность организационных мероприятий, процедур и регламентов, обеспечивающих уверенность в эффективной работе организаций, достоверности финансовой и управленческой информации, а также в соблюдении требований законодательства и регулятивных норм. В российской правовой системе его создание и функционирование закреплены, в частности, в Федеральном законе от 06.12.2011 № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» и Федеральном законе от 30.12.2008 № 307-ФЗ «Об аудиторской деятельности», которые рассматривают внутренний контроль как средство предотвращения ошибок, нарушений и злоупотреблений в финансово-хозяйственной сфере.

Международные подходы, отраженные в концепции COSO, трактуют внутренний контроль как ключевой элемент корпоративного управления, включающий систему процедур и инструментов для управления рисками и обеспечения надежности отчетности. В рамках COSO внутренний контроль рассматривается как непрерывный процесс, реализуемый советом директоров, менеджментом и персоналом организации для достижения целей в трех сферах: операционная деятельность, качество отчетности и соблюдение требований законодательства и внутренних регламентов

Рисунок 1. Элементы системы внутреннего контроля (по COSO)

Фундаментом системы внутреннего контроля является контрольная среда, которая формирует организационную культуру, в которой контроль воспринимается как естественная часть управлеченческих процессов [6]. Контрольная среда включает этику и ценности организации, политику руководства по внутреннему контролю, структуру управления и распределение полномочий, а также политику подбора и оценки персонала. Эффективная контрольная среда способствует повышению ответственности сотрудников и формирует основу для всех остальных элементов контроля.

Важной частью системы внутреннего контроля является оценка рисков, которая предполагает выявление, анализ и классификацию факторов, способных препятствовать достижению целей организации. В процессе оценки рисков определяются ключевые бизнес-процессы и операции, идентифицируются внутренние и внешние риски, включая финансовые, операционные, кибер- и репутационные, а также формулируются меры по минимизации потенциальных угроз. Системный подход к оценке рисков позволяет руководству принимать обоснованные решения и предотвращать возможные нарушения.

Контрольные процедуры представляют собой конкретные меры, направленные на предотвращение, обнаружение и исправление ошибок и нарушений. Среди них – разделение функций и полномочий, согласование и утверждение операций, физическая и информационная защита активов, а также проверки и ревизии отдельных процессов. Эти процедуры обеспечивают надежность и точность финансовой и управлеченческой информации.

Внутренний контроль играет ключевую роль в управлении рисками организации, позволяя снижать вероятность финансовых потерь и нарушений, обеспечивать достоверность финансовой и управлеченческой информации, повышать прозрачность операций и доверие со стороны акционеров, органов контроля и аудиторов, а также обеспечивать соблюдение законодательства и внутренних нормативных актов. В условиях цифровизации внутренний контроль становится не только средством защиты от ошибок, но и инструментом повышения эффективности управлеченческих процессов, позволяя автоматизировать контроль, анализировать данные в реальном времени и прогнозировать риски.

Современные информационные технологии оказывают значительное влияние на систему внутреннего контроля, открывая новые возможности для повышения эффективности и прозрачности контрольных процедур. В первую очередь цифровизация позволяет автоматизировать рутинные процессы, что снижает вероятность ошибок и ускоряет обработку информации. Так, автоматическая проверка соответствия операций установленным нормам и стандартам позволяет выявлять отклонения без необходимости ручной проверки каждого документа, что особенно важно в организациях с большим объёмом хозяйственных операций, таких как производственные предприятия или торговые компании.

Ключевым инструментом цифровизации являются ERP-системы, искусственный интеллект, технологии Big Data и блокчейн. ERP-системы обеспечивают централизованное хранение данных, интеграцию различных бизнес-процессов и автоматизацию учёта, что позволяет контролировать операции в режиме реального времени.

Искусственный интеллект, в свою очередь, способен выявлять аномалии в данных и проводить предиктивный анализ рисков, прогнозируя возможные финансовые отклонения и автоматически сигнализируя об этом специалистам по контролю. Технологии Big Data открывают возможности анализа больших массивов информации, выявления закономерностей и зависимостей, недоступных при традиционном подходе, а блокчейн обеспечивает неизменность записей и прозрачность операций, что существенно повышает доверие к финансовой информации. [7]

Таблица 1.

Инструменты цифровизации и их влияние на контрольные процессы

Цифровая технология	Возможности для контроля	Риски и вызовы
ERP-системы	Централизация и автоматизация учёта, интеграция процессов	Зависимость от разработчика, высокая стоимость внедрения
Искусственный интеллект	Анализ аномалий, предиктивный анализ, автоматическая проверка данных	Недостаток прозрачности алгоритмов, необходимость квалифицированного персонала
Big Data	Анализ больших массивов данных, выявление закономерностей	Сложность обработки и интерпретации информации, требования к инфраструктуре
Блокчейн	Неизменность записей, повышение прозрачности операций	Ограниченная масштабируемость, высокая стоимость внедрения

Современная цифровизация существенно трансформирует систему внутреннего контроля организаций, обеспечивая переход от ретроспективного анализа к сквозному мониторингу операций и предиктивной диагностике рисков. [6] Цифровые технологии создают основу для повышения эффективности контрольных процедур за счёт автоматизации процессов обработки информации, интеграции аналитических панелей и специализированных модулей мониторинга, функционирующих в режиме реального времени. Эти инструменты обеспечивают оперативное выявление аномалий в хозяйственных операциях, позволяют прогнозировать потенциальные нарушения и формировать систему превентивных мер управления рисками.

В то же время, как отмечает Лактионова и Ефремова [12], цифровизация сопровождается ростом зависимости от информационно-технологических систем и поставщиков программного обеспечения. Это порождает новые риски – киберугрозы, несанкционированный доступ к данным, а также опасность сбоев ИТ-инфраструктуры, которые могут временно парализовать контрольные функции. Надёжность цифрового контроля напрямую связана с уровнем компетентности персонала: отсутствие навыков интерпретации аналитических данных и эксплуатации цифровых платформ снижает эффективность контрольно-аналитических процедур и увеличивает вероятность принятия ошибочных решений.

Исследователи [9] указывают на необходимость концептуальной перестройки внутреннего контроля, предполагающей не только автоматизацию процедур, но и пересмотр организационных подходов. Формализованный характер внедрения информационных систем без адаптации внутренних регламентов приводит к тому, что контроль утрачивает связь с реальными рисками. Эффективность цифрового контроля напрямую зависит от интеграции ИТ-решений, гармонизации внутренних бизнес-процессов и создания единой информационной среды.

Недостаток методик цифровой диагностики рисков остаётся одной из ключевых проблем. Несмотря на то, что современные ERP-системы и аналитические модули позволяют собирать и агрегировать большие массивы данных, многие организации не располагают алгоритмами, обеспечивающими их интерпретацию и применение в оценке угроз [5]. Отсутствие подходов к предиктивному анализу снижает точность выявления отклонений и ограничивает возможности предотвращения потенциальных нарушений.

Другим препятствием на пути цифровой трансформации контроля является недостаточная цифровая зрелость персонала. Без соответствующего уровня подготовки сотрудников даже продвинутые аналитические системы не обеспечивают ожидаемой эффективности [10]. Эффективное развитие цифровых практик требует инвестиций в обучение, формирование корпоративной культуры цифрового контроля и повышение цифровой грамотности специалистов.

Создание интегрированных цифровых платформ, объединяющих системы учёта, анализа и контроля, даёт возможность перехода к централизованному мониторингу контрольных показателей и обеспечению сквозной прозрачности данных. В ряде отраслей, как показывают практические исследования [4], применение цифровых систем повышает достоверность финансовой информации и оперативность управленческих решений, минимизируя человеческий фактор и повышая устойчивость компаний к внешним и внутренним рискам.

Таким образом, цифровизация внутреннего контроля в современной экономике представляет собой не только технологическую трансформацию, но и методологическое переосмысление функций контроля. Для её успешной реализации необходим комплексный подход, который сочетает развитие ИТ-инфраструктуры, модернизацию контрольных механизмов, повышение цифровой грамотности специалистов и совершенствование методического обеспечения. Только при условии интеграции этих компонентов возможно формирование устойчивой и адаптивной системы внутреннего контроля, способной эффективно реагировать на вызовы цифровой экономики.

Перспективные направления развития внутреннего контроля в цифровой среде связаны с формированием универсальных цифровых моделей, которые учитывают специфику отдельных отраслей и уровень цифровой зрелости организаций. Такие модели позволяют формализовать ключевые контрольные процедуры, унифицировать подходы к идентификации и оценке рисков, а также обеспечить адаптивность систем внутреннего контроля к динамично изменяющимся условиям ведения бизнеса и к эволюции регуляторных требований. В этом контексте цифровизация предстает не только как инструмент автоматизации, но и как стратегический ресурс повышения результативности внутреннего контроля и риск-менеджмента.

Исследования Елены Ильиничны Ефремовой и других авторов формируют важную теоретико-методическую основу для трансформации систем внутреннего контроля в условиях цифровой экономики, включая разработку риск-ориентированных и цифрово интегрированных подходов. Дальнейшие научные работы целесообразно ориентировать на построение универсальных цифровых моделей контроля, способных учитывать отраслевые особенности, различия в уровне цифровой зрелости предприятий и требования к интеграции с системами управления рисками и корпоративного управления.

Список литературы:

1. Федеральный закон "О бухгалтерском учете" от 06.12.2011 N 402-ФЗ (последняя редакция)
2. Федеральный закон "Об аудиторской деятельности" от 30.12.2008 N 307-ФЗ (последняя редакция)

3. Федеральный закон "О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации" от 31.07.2020 N 248-ФЗ (последняя редакция)
4. Андреева В.А., Ефремова Е.И. «Использование данных внешних проверок в целях совершенствования финансового аудита и внутреннего контроля». Управленческий учет, 2024, № 8. С. 358–366.
5. Ефремова Е.И. «Аналитические процедуры в аудите: понятие, сущность, виды». В сборнике: Развитие контрольно-аналитического обеспечения хозяйствующих субъектов. IX Международная межвузовская конференция. Москва, 2023. С. 85–89.
6. Ефремова Е.И., Догадина Е.Е. «Аудит эффективности – сущность и факторы возникновения». В сборнике: Развитие учета, контроля и анализа в условиях трансформации социально-экономических ориентиров экономики. X Международная межвузовская научно-практическая конференция. Москва, 2024. С. 121–127.
7. Ефремова Е.И., Передний Д.А. «Аудиторская деятельность в условиях цифровизации экономики». Управленческий учет, 2022, № 9. С. 42–47.
8. Ефремова Е.И., Сабельникова А.В. «Международная практика выявления и борьбы с коррупцией в государственных закупках». Управленческий учет, 2024, № 7. С. 5–11.
9. Ефремова Е.И., Саргсян С.Н. «Роль органов государственного финансового контроля в борьбе с коррупцией». Экономика и управление: проблемы, решения, 2024, Т. 8, № 4 (145). С. 20–27.
10. Ефремова Е.И., Солошенко А.А. «Формирование плана работы органа государственного аудита на очередной год». Управленческий учет, 2023, № 11-1. С. 36–44.
11. Ефремова Е.И. «Сотрудничество контрольных органов с международными организациями в сфере борьбы с коррупцией». Управленческий учет, 2024, № 9. С. 80–87.
12. Лактионова Н.В., Александров С.Г., Ефремова Е.И. «О разработке и внедрении в практику многофункционального приложения для совместных физкультурно-спортивных занятий – "FIT-MILE"». В сборнике: Экономика данных: повышение эффективности экономики, торговли и производства России. VIII Международная межвузовская конференция. Краснодар, 2024. С. 192–196.

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Березовская Полина Олеговна

студент,
Белорусский государственный университет
информатики и радиоэлектроники,
Республика Беларусь, г. Минск

Амброжейчик Мария Григорьевна

студент, Белорусский государственный университет
информатики и радиоэлектроники,
Республика Беларусь, г. Минск

Забродская Наталья Георгиевна

научный руководитель,
канд. экон. наук, доц.,
кафедра менеджмента,
Белорусский государственный университет
информатики и радиоэлектроники,
Республика Беларусь, г. Минск

DIGITAL TRANSFORMATION OF AGRICULTURE IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Berezovskaya Polina

Student,
Belarusian State University of Informatics
and Radioelectronics,
Republic of Belarus, Minsk

Ambrozheichik Maria

Student,
Belarusian State University of Informatics
and Radioelectronics,
Republic of Belarus, Minsk

Zabrodskaya Natalia

Supervisor,
Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor,
Department of Management,
Belarusian State University of Informatics
and Radioelectronics,
Republic of Belarus, Minsk

Аннотация. В статье исследуется процесс цифровой трансформации сельского хозяйства Республики Беларусь. Проанализированы ключевые государственные программы и нормативные акты, стимулирующие внедрение цифровых технологий в агропромышленный комплекс (АПК). Рассмотрены практические примеры применения технологий точного земледелия, «умных» ферм и цифровых платформ. Выявлены основные проблемы, сдерживающие цифровизацию, такие как недостаточность финансирования, дефицит кадров и слабое развитие инфраструктуры в сельской местности. Сформулированы направления дальнейшего

развития, включающие необходимость комплексного подхода, учитывающего территориальные особенности, и усиления государственной поддержки.

Abstract. The article examines the process of digital transformation of agriculture in the Republic of Belarus. Key state programs and regulatory acts stimulating the introduction of digital technologies into the agro-industrial complex (AIC) are analyzed. Practical examples of the application of precision farming technologies, "smart" farms, and digital platforms are considered. The main problems hindering digitalization are identified, such as insufficient funding, personnel shortages, and weak infrastructure development in rural areas. Directions for further development are formulated, including the need for an integrated approach that takes into account territorial specifics and enhanced state support.

Ключевые слова: цифровая трансформация; сельское хозяйство; Республика Беларусь; точное земледелие; информационное общество; цифровые технологии; АПК; инновационное развитие; информационная инфраструктура; государственная программа.

Keywords: digital transformation; agriculture; Republic of Belarus; precision farming; information society; digital technologies; agro-industrial complex; innovative development; information infrastructure; state program.

Актуальность темы исследования обусловлена глобальным трендом на цифровизацию экономики, который затрагивает и аграрный сектор. Мировой экономический контекст характеризуется переходом к постиндустриальной стадии, где информация и знания становятся ключевым производственным ресурсом, а развитие определяется интеграцией в глобальные цепочки создания стоимости [1, 2]. Для Республики Беларусь, где сельскому хозяйству отводится значимая роль в обеспечении продовольственной безопасности и экспортного потенциала, цифровая трансформация становится не только условием повышения конкурентоспособности, но и необходимым элементом встраивания в современное мировое хозяйство [3, 4]. Однако процесс внедрения цифровых технологий в белорусский АПК сталкивается с рядом системных проблем, требующих научного осмыслиения.

Целью данной работы является анализ текущего состояния, проблем и перспектив цифровой трансформации сельского хозяйства Республики Беларусь. Для достижения цели поставлены следующие задачи: обобщить меры государственной поддержки цифровизации АПК; оценить уровень внедрения современных технологий; выявить ключевые барьеры, замедляющие этот процесс; сформулировать возможные направления дальнейшего развития на основе комплексного подхода. Обзор литературы показывает, что проблематика цифровизации АПК широко освещается в трудах исследователей, таких как Журавлёв В.А., Новикова Ю.Ю., Советникова О.П. [5, 6, 7]. В их работах отмечается, что, несмотря на наличие стратегических документов и положительные примеры, Беларусь существенно отстает от мировых лидеров в данной области. Теоретическую базу для понимания трансформационных процессов в экономике формируют работы, посвященные экономике информационного общества и территориальной организации национальной экономики [1, 2, 3]. Цифровая трансформация сельского хозяйства является частью более масштабного перехода к экономике информационного общества. Этот переход характеризуется тем, что информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) и знания становятся основным фактором производства, формируя новые электронные подсистемы во всех сферах, включая государственное управление, энергетику, образование и, что особенно важно, агропромышленный комплекс [1]. Эффективное развитие в таких условиях невозможно без привлечения передовых технологий и интеграции предприятий в мировое хозяйство и международное разделение труда [3].

Государственная политика Беларуси в сфере цифровизации сельского хозяйства формируется в рамках ряда стратегических документов, таких как Государственная программа инновационного развития на 2021–2025 годы, программа «Цифровое развитие Беларусь» и Национальная стратегия устойчивого развития до 2030 года [4, 5]. Эти документы задают вектор на создание благоприятных условий для перехода к экономике знаний. Ключевое значение

в этом процессе имеет развитие информационно-коммуникационной инфраструктуры (ИКИ), которая представляет собой совокупность сетей передачи данных, вычислительных мощностей и платформ, обеспечивающих функционирование электронной экономики [1]. Однако, как отмечают исследователи, успех цифровизации зависит не только от наличия технологий, но и от эффективной территориальной организации и выравнивания социально-экономического потенциала регионов [3]. Это особенно актуально для аграрного сектора, деятельность которого тесно привязана к конкретным территориям с разным уровнем развития.

На практике цифровая трансформация проявляется во внедрении элементов точного земледелия. К ним относятся системы параллельного вождения (автопилот), картирование урожайности, дифференцированное внесение удобрений и средств защиты растений на основе электронных карт полей [5, 7]. По оценкам, использование таких технологий позволяет сэкономить до 10–40% ресурсов (топливо, семена, удобрения) и повышать урожайность [5]. Например, в СПК «Агрокомбинат Снов» автоматизация управления техникой позволила увеличить производительность труда на 30–50% [5]. Отечественная промышленность также развивает это направление, выпуская технику, оснащенную цифровыми модулями (тракторы «Беларус-4522», комбайны КЗС-2124).

В животноводстве цифровизация связана с созданием «умных» ферм. Внедряются системы электронной идентификации животных (ГИС AITS), датчики контроля здоровья и активности скота, автоматизированные системы доения и раздачи кормов [5, 7]. Эти решения способствуют повышению продуктивности и улучшению качества продукции. В растениеводстве и мониторинге земель начинают применяться беспилотные летательные аппараты (БПЛА) и данные спутникового зондирования, обработка которых ведется на специализированных цифровых платформах [5].

Несмотря на позитивные примеры, уровень проникновения цифровых технологий в белорусский АПК остается низким и фрагментарным по сравнению с развитыми странами [6, 7]. Основными проблемами являются:

1. **Финансовые барьеры.** Высокая стоимость технологий и недостаток собственных средств у сельхозпредприятий, особенно малых и средних форм хозяйствования. Привлечение инвестиций, включая иностранный капитал, для передачи высоких технологий остается сложной задачей [3, 6, 7].

2. **Инфраструктурные ограничения и «цифровое неравенство».** Неравномерное развитие телекоммуникационной инфраструктуры в сельской местности создает серьезное препятствие. Цифровое неравенство – социально-экономическое явление, при котором разные группы населения или регионы имеют неодинаковый доступ к ИКТ, их стоимости и качеству, – ярко проявляется между городом и селом [1, 5]. Отсутствие стабильного широкополосного интернета делает невозможным использование многих облачных сервисов и систем в реальном времени.

3. **Кадровый дефицит.** Низкий уровень цифровой грамотности среди работников АПК и острая нехватка IT-специалистов, способных обслуживать и развивать сложные системы [5, 6]. Это усугубляется общей проблемой формирования и удержания человеческого капитала в регионах [3].

4. **Консерватизм мышления и неэффективность механизмов.** Сопротивление внедрению новшеств со стороны части руководителей и специалистов [7]. Кроме того, как отмечается в исследованиях, государственное регулирование не всегда гарантирует максимальный эффект и может не поспевать за динамикой технологического развития, требуя новых форм взаимодействия с бизнесом [3].

Для преодоления этих барьеров необходим комплексный подход, учитывающий как технологические, так и территориально-организационные аспекты.

Помимо прямого финансирования и субсидий, требуется развитие механизмов государственно-частного партнерства, льгот для технологических стартапов в АПК и привлечения иностранных инвестиций в высокотехнологичные проекты [3]. Важным направлением является развитие электронного правительства в аграрной сфере для упрощения административных процедур и предоставления услуг в цифровой форме [1].

Государственные программы должны включать конкретные проекты по расширению покрытия высокоскоростным интернетом в сельской местности, рассматривая это как критическую составляющую производственной инфраструктуры, а не просто услугу связи.

Необходима модернизация системы аграрного образования, включение в программы дисциплин по цифровым технологиям, а также создание программ переподготовки и повышения квалификации для действующих специалистов АПК [3, 5]. Поддержка научных школ и технопарков (например, «Технопарк Горки») может стать драйвером для разработки локальных инновационных решений [4].

Стимулирование создания агротехнологических кластеров, объединяющих науку, образование, производство и сервисные ИТ-компании, позволит концентрировать ресурсы и создавать синергетический эффект [3]. Планирование цифровизации должно учитывать дифференциацию социально-экономического потенциала регионов для более адресного и эффективного распределения средств и усилий [3].

Проведенный анализ позволяет заключить, что цифровая трансформация сельского хозяйства Беларуси является объективной необходимостью для повышения его эффективности, конкурентоспособности и интеграции в глобальную экономику знаний. В стране создана нормативно-правовая база и имеются отдельные успешные кейсы внедрения цифровых технологий, прежде всего в сфере точного земледелия и животноводства.

Вместе с тем, процесс носит фрагментарный характер и сдерживается комплексом взаимосвязанных проблем: финансовых, инфраструктурных, кадровых и организационных. Ключевыми вызовами остаются цифровое неравенство между городом и селом, высокая стоимость внедрения и дефицит квалифицированных кадров.

Дальнейший прогресс в этой области возможен только при условии перехода от точечного внедрения технологий к формированию целостной цифровой экосистемы АПК. Это требует тесного взаимодействия государства, научного сообщества и бизнеса, применения кластерных моделей развития и обязательного учета территориальной специфики. Устранение существующих барьеров на основе комплексного подхода позволит Беларуси реализовать значительный потенциал цифровизации для устойчивого и инновационного развития аграрного сектора.

Список литературы:

1. Беляцкая Т.Н. Экономика информационного общества: учеб.-метод. пособие. Минск: БГУИР, 2016. 200 с.
2. Валлерстайн И. Мироисистемный анализ: Введение. М.: Территория будущего, 2006. 248 с.
3. Забродская Н.Г. Теоретические и методологические основы формирования механизма эффективности территориальной организации и дифференциации социально-экономического потенциала Республики Беларусь. Минск, 2019. 218 с.
4. Климин С.И. Информационные технологии в сельском хозяйстве Республики Беларусь // Вестник Белорусской государственной сельскохозяйственной академии. 2022. № 3. С. 389–392.
5. Журавлёв В.А. Цифровизация сельского хозяйства в Республике Беларусь: технологические решения для развития // Аграрная экономика. 2024. № 3. С. 60–70.
6. Новикова Ю.Ю. Проблемы и направления цифровой трансформации агропромышленного комплекса Беларуси в условиях инновационного развития // Вестник Белорусской государственной сельскохозяйственной академии. 2020. № 3. С. 389–392.
7. Советникова О.П. Цифровая трансформация в сельском хозяйстве Республики Беларусь // Стратегия и тактика развития отраслей экономики: сб. науч. тр. / М-во образования Респ. Беларусь, Гомел. гос. техн. ун-т им. П.О. Сухого; под ред. Н.В. Сычёвой. Гомель: ГГТУ им. П.О. Сухого, 2021. С. 133–135.

ФИНАНСОВАЯ ПОЛИТИКА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Евменькова Екатерина Николаевна

студент,
Белорусский государственный
экономический университет,
РБ, г. Минск

Шевцова Вера Викторовна

научный руководитель,
ст. преп. кафедры финансов,
Белорусский государственный
экономический университет,
РБ, г. Минск

Введение. В современных условиях глобальной экономической нестабильности, вызванной геополитическими факторами, колебаниями цен на сырьевые товары и влиянием внешних шоков, финансовая политика государства становится критически важным инструментом обеспечения устойчивого экономического развития. Республика Беларусь, как малая открытая экономика, в значительной степени подвержена внешним экономическим воздействиям и в связи с этим требует эффективного управления финансовыми ресурсами.

Финансовая политика Республики Беларусь разработана с целью создания условий для высокого уровня производства, стабилизации цен, укрепления валюты и повышения благосостояния граждан. Она включает взаимосвязанные элементы: денежно-кредитную политику, бюджетную политику и налоговую политику, которые координируются между собой для достижения целей экономического развития.

1. Денежно-кредитная политика как основной инструмент финансовой стабилизации

Денежно-кредитная политика Республики Беларусь на 2025 год утверждена Указом Президента и определяет целевые показатели, направленные на обеспечение макроэкономической и финансовой стабильности. Основной механизм реализации денежно-кредитной политики осуществляется через Национальный банк Республики Беларусь, который является независимым учреждением, отвечающим за достижение целевых показателей[1].

Согласно официальным документам, целевыми показателями денежно-кредитной политики на 2025 год являются:

- прирост потребительских цен – не более 5 процентов;
- международные резервные активы – не менее \$7,1 млрд (важнейший индикатор экономической безопасности страны и её финансовой устойчивости);
- доля необслуживаемых активов банков в активах, подверженных кредитному риску – не более 10 процентов (обеспечивает стабильность банковской системы) [2].

Данные показатели отражают приоритеты Национального банка по поддержанию ценовой стабильности, укреплению валютных резервов и обеспечению безопасности банковской системы.

В соответствии с Основными направлениями денежно-кредитной политики, в 2025 году требования банков к экономике вырастут не менее чем на 11 процентов. Такое увеличение кредитования направлено на стимулирование инвестиций в реальный сектор экономики и обеспечение роста экономической активности[3].

Национальный банк осуществляет мониторинг финансовой стабильности, лицензирование банковской деятельности и банковский надзор. Данные функции позволяют оптимизировать условия кредитования и предотвращать системные финансовые риски[4].

2. Бюджетная политика и её роль в социально-экономическом развитии

Бюджетная политика Республики Беларусь на 2025 год определяется Законом о республиканском бюджете и направлена на обеспечение баланса доходной и расходной частей бюджета, а также на финансирование приоритетных направлений развития. В соответствии с Законом Республики Беларусь, расходы республиканского бюджета на 2025 год планировались в сумме 50,3 млрд.рублей, что на 12% превышает уровень 2024 года. Данный рост бюджета свидетельствует о расширении государственного финансирования в целях обеспечения социально-экономического развития[5].

Приоритетными направлениями бюджетной политики в 2025 году являются:

1. Социальная сфера и повышение благосостояния граждан посредством увеличения размера заработной платы и пенсионных выплат;
2. Обеспечение национальной безопасности и расходы на оборону;
3. Поддержка реального сектора экономики через инвестиции в основной капитал;
4. Развитие образования и здравоохранения;
5. Инфраструктурные проекты и модернизация основных фондов[6].

Структура бюджетных расходов отражает стремление государства балансировать социальные обязательства с инвестиционными потребностями экономики в условиях нестабильности.

Налоговая политика в 2025 году, как и прежде, направлена на сбалансированность доходной части бюджета. Налоговая система Республики Беларусь включает различные налоги (налог на добавленную стоимость, налог на прибыль, подоходный налог), поступления от которых составляют основную часть доходов государственного бюджета[7].

Особенностью налоговой политики является её гибкость в условиях экономической нестабильности: государство использует налоговые инструменты как для стабилизации доходов бюджета, так и для стимулирования отдельных секторов экономики.

3. Макроэкономические прогнозы и целевые показатели социально-экономического развития

В целях координации всех направлений финансовой политики разработаны комплексные макроэкономические прогнозы на 2025 год.

Указом Президента Республики Беларусь утверждены следующие важнейшие показатели социально-экономического развития на 2025 год:

Таблица 1.

Целевые показатели социально-экономического развития на 2025 год

Показатель	Единица	Значение
Валовой внутренний продукт	% к 2024 году	104,1
Реальные располагаемые денежные доходы населения	% к 2024 году	104,0
Инвестиции в основной капитал	% к 2024 году	107,8
Экспорт товаров и услуг	% к 2024 году	105,4

[8]. Данные показатели свидетельствуют о стремлении государства обеспечить умеренный, но устойчивый экономический рост в условиях внешних вызовов. Прирост ВВП на 4,1 процента будет достигнут за счёт роста внутреннего спроса, увеличения инвестиций и расширения экспорта.

Увеличение инвестиций в основной капитал на 7,8 процента указывает на намерение государства модернизировать производственную базу, обновить основные фонды и повысить производительность труда. Данное направление критически важно для обеспечения долгосрочного экономического роста в условиях экономической нестабильности.

4. Вызовы и проблемы финансовой политики Беларуси

Несмотря на скоординированность элементов финансовой политики, Республика Беларусь сталкивается с рядом серьёзных проблем, обусловленных характером её экономики.

Как малая открытая экономика, зависящая от экспорта сырьевых товаров, Беларусь в значительной степени подвержена воздействию глобальных экономических и геополитических шоков. Резкие сокращения экономической активности основных торговых партнёров и падение цен на углеводороды могут привести к валютному кризису и девальвации национальной валюты[8].

История финансовой политики Республики Беларусь демонстрирует возникновение трёх значительных валютных кризисов: в 2009, 2011 и 2014–2015 годах. Эти кризисы сопровождались массовой девальвацией белорусского рубля и отражали противоречивость макроэкономической политики[9].

Поэтому, для обеспечения долгосрочной финансовой стабильности, Республика Беларусь нуждается в глубоких структурных реформах, направленных на диверсификацию экономики, развитие инновационного сектора и повышение конкурентоспособности отечественного производства.

5. Роль Национального банка в обеспечении финансовой стабильности

Национальный банк Республики Беларусь выполняет ключевую роль в реализации финансовой политики государства. К основным функциям Национального банка относятся:

- осуществление банковского надзора и лицензирования банковской деятельности;
- мониторинг финансовой стабильности на макроуровне;
- организация функционирования платежной системы и надзор за ней;
- ведение статистики по банковской, денежно-кредитной сфере, финансовому рынку и платёжному балансу;
- формирование и развитие единого расчётного и информационного пространства;
- управление международными резервами и валютной политикой[10].

Эффективность деятельности Национального банка напрямую влияет на успех финансовой политики государства и достижение целевых макроэкономических показателей.

Заключение

Финансовая политика Республики Беларусь в условиях экономической нестабильности представляет собой сложный процесс координации денежно-кредитной, бюджетной и налоговой политики для обеспечения макроэкономической стабильности. Целевые показатели на 2025 год отражают стремление государства к контролируемому экономическому росту в глобальной нестабильности. Несмотря на скоординированность финансовой политики и четкие целевые показатели, Беларусь продолжает сталкиваться с серьезными вызовами из-за своей уязвимости как малой открытой экономики. Исторические валютные кризисы подчеркивают необходимость постоянной адаптации финансовой политики. Национальный банк Республики Беларусь играет ключевую роль в обеспечении финансовой стабильности через реализацию целевых показателей денежно-кредитной политики и надзор за финансовой системой.

Таким образом, для долгосрочной финансовой устойчивости нужно продолжать структурные реформы, диверсификацию экспортных доходов и укрепление инвестиционной привлекательности страны.

Список литературы:

1. Указ Президента Республики Беларусь от 1 октября 2024 г. № 385 «О целевых показателях денежно-кредитной политики Республики Беларусь на 2025 год» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/documents/ukaz-no-385-ot-1-oktobra-2024-g>. – Дата доступа: 08.12.2025.

2. Национальный банк Республики Беларусь. Целевые показатели денежно-кредитной политики Республики Беларусь на 2025 год. Постановление Правления № 325 от 10 октября 2024 г. Режим доступа: <https://www.nbrb.by/legislation/cpdkp>. – Дата доступа: 08.12.2025.
3. Национальный банк Республики Беларусь. Основные направления денежно-кредитной политики на 2025 год. Официальное издание. 2024 [Электронный ресурс]. – PDF-документ. – Режим доступа: <https://www.nbrb.by/legislation/documents/ondkp2025.pdf>. – Дата доступа: 08.12.2025.
4. Национальный банк Республики Беларусь. Функции центрального банка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://president.gov.by/ru/statebodies/nacionalnyy-bank-respubliki-belarus>. – Дата доступа: 08.12.2025.
5. Закон Республики Беларусь от 11 декабря 2024 г. «О республиканском бюджете на 2025 год» (в редакции от 13 декабря 2024 г. № 48-З) [Электронный ресурс]. – PDF-документ. – Режим доступа: https://www.minfin.gov.by/upload/bp/act/zakon_131224_48z.pdf. – Дата доступа: 08.12.2025.
6. Совет Республики Национального собрания Республики Беларусь. Проект Закона Республики Беларусь «О республиканском бюджете на 2025 год»: приоритетные направления бюджетной политики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.sovrep.gov.by/ru/zakony-ru/view/proekt-zakona-respubliki-belarus-o-respublikanskem-bjudzhete-na-2025-god-647/>. – Дата доступа: 08.12.2025.
7. Министерство финансов Республики Беларусь. Налоговая политика Республики Беларусь на 2025 год. Официальные материалы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.minfin.gov.by/>. – Дата доступа: 08.12.2025.
8. Министерство экономики Республики Беларусь. Программа социально-экономического развития Республики Беларусь на 2021–2025 годы [Электронный ресурс]. – PDF-документ. – Режим доступа: <https://economy.gov.by/uploads/files/macro-prognoz/Programma-2025-nov-red.pdf>. – Дата доступа: 08.12.2025.
9. Национальный банк Республики Беларусь. Аналитические обзоры макроэкономической ситуации. Исторические данные по валютным кризисам 2009, 2011, 2014–2015 годов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nbrb.by/>. – Дата доступа: 08.12.2025.
10. Указ Президента Республики Беларусь. О государственном статусе и функциях Национального банка Республики Беларусь. Официальный правовой портал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=P30100320>. – Дата доступа: 08.12.2025.

ВЛИЯНИЕ ИНФЛЯЦИИ НА ФИНАНСОВОЕ ПОВЕДЕНИЕ ДОМОХОЗЯЙСТВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ВЫБОР МЕЖДУ ПОТРЕБЛЕНИЕМ И СБЕРЕЖЕНИЯМИ

Наливко Полина Андреевна

студент,

Белорусский государственный экономический университет,

Республика Беларусь, г. Минск

Шевцова Вера Викторовна

научный руководитель,

ст. преп. кафедры финансов,

Белорусский государственный экономический университет,

Республика Беларусь, г. Минск

Введение

Инфляция непосредственно влияет на реальные доходы населения, уровень жизни и финансовые решения домохозяйств. Для Республики Беларусь это проявляется через изменение покупательной способности, структуры потребительских расходов и возможностей для накопления. В условиях роста цен домохозяйства вынуждены выбирать, какую часть дохода направить на текущее потребление, а какую – на сбережения.

Цель статьи – показать, как инфляция в Республике Беларусь влияет на выбор домохозяйств между потреблением и сбережениями. Для достижения цели предусматривается кратко раскрыть теоретические подходы к связи доходов, потребления и сбережений, охарактеризовать инфляционную ситуацию и динамику доходов населения и на этой основе обозначить основные изменения в структуре потребительских расходов и возможностях накопления.

1. Теоретические подходы к выбору между потреблением и сбережениями

Согласно «основному психологическому закону» Кейнса, по мере роста дохода увеличивается потребление, однако не в полной величине прироста: часть дохода превращается в сбережения [1, с. 30]. При снижении реального дохода из-за инфляции домохозяйства, наоборот, сокращают прежде всего сбережения, пытаясь сохранить минимально необходимый уровень потребления.

Гипотеза перманентного дохода М. Фридмена подчёркивает, что решения о потреблении зависят не только от текущего дохода, но и от ожидаемого «постоянного» дохода в будущем [3, с. 636]. Если инфляция воспринимается как длительное явление, домохозяйства пересматривают планы накоплений и структуру расходов, учитывая обесценение денежных средств.

Теория жизненного цикла Ф. Модильяни исходит из стремления сгладить потребление на протяжении жизни: в периоды более высоких доходов формируются сбережения, которые затем расходуются, когда доход падает (например, в пенсионном возрасте) [2, с. 410]. Высокая и нестабильная инфляция снижает предсказуемость реальной стоимости накоплений и затрудняет реализацию таких долгосрочных планов.

Потребительские расходы при этом выступают индикатором реакции домохозяйств на макроэкономические шоки, включая инфляцию [4, с. 38]. Изменение их структуры позволяет судить о том, как смещается баланс между потреблением и сбережениями в новых условиях.

2. Инфляция и доходы домохозяйств в Республике Беларусь

Динамика индекса потребительских цен в Республике Беларусь свидетельствует о наличии периодов ускорения и последующего замедления инфляции [5]. В 2021–2022 годах годовой рост индекса потребительских цен по отдельным группам товаров и услуг достигал двузначных значений – до 10–15%, что отражало усиление ценового давления, особенно в сферах продовольствия,

транспорта и услуг. В последующие годы инфляция постепенно замедлялась к уровню около 5–6% в год, однако накопленный рост цен продолжал ощущаться домохозяйствами [5].

По данным о социальном положении и уровне жизни населения, темпы роста номинальных доходов нередко опережались инфляцией, что приводило к замедлению или снижению реальных доходов [6]. Реальные располагаемые доходы населения по регионам в большинстве случаев увеличивались лишь до 106,4–109,8% к предыдущему году, а в отдельных периодах оставались близкими к уровню предыдущего года [6]. Для домохозяйств это означало, что после покрытия обязательных расходов остаётся всё меньше ресурсов, которые можно направить на накопление.

Обзоры Национального банка Республики Беларусь показывают структуру инфляции и оценивают инфляционные ожидания населения [7]. Ожидание дальнейшего роста цен стимулирует опережающее потребление («купить сейчас») и снижает привлекательность хранения средств в денежной форме, особенно в национальной валюте. В такой ситуации часть домохозяйств стремится быстрее реализовывать доход в форме покупок, а не накапливать его в виде денег или депозитов.

3. Влияние инфляции на структуру потребления и сбережений домохозяйств

В условиях инфляции домохозяйства, как правило, увеличивают долю расходов на товары и услуги первой необходимости: питание, жилищно-коммунальные услуги, транспорт и базовые услуги [4, с. 40; 6]. Одновременно сокращаются траты на товары длительного пользования, отдых, культуру и другие виды «дискреционного» потребления. После покрытия обязательных расходов остаётся меньше средств, которые можно направить на сбережения, даже если номинальные доходы формально растут.

Особенно уязвимы малообеспеченные домохозяйства: значительная часть их доходов изначально уходит на базовое потребление, и рост цен практически не оставляет пространства для накоплений. Повышение стоимости продуктов питания, коммунальных услуг и транспорта приводит к отказу от некоторых покупок и к сокращению или полному отсутствию сбережений [6]. В результате инфляция усиливает финансовую нестабильность таких домохозяйств и повышает их зависимость от социальных выплат и поддержки.

Домохозяйства с более высокими доходами чаще сохраняют возможность формировать сбережения, но меняют их структуру. В условиях инфляции снижается интерес к простым денежным остаткам и депозитам с невысокой реальной доходностью. Часть сбережений переводится в иностранную валюту, недвижимость, отдельные товары длительного пользования, что рассматривается как способ частично защититься от обесценения [7]. Тем самым инфляция стимулирует поиск форм накопления, менее чувствительных к росту цен.

С теоретической точки зрения подобная реакция согласуется с идеями Кейнса, Фридмена и Модильяни: снижение реального дохода и рост неопределенности корректируют решения о доле сбережений и горизонте планирования [1, с. 30–31; 2, с. 410; 3, с. 636–637]. При устойчивых инфляционных ожиданиях домохозяйства уделяют больше внимания сохранению текущего уровня потребления и защите уже накопленных средств, чем долгосрочным финансовым целям.

Изменение структуры потребительских расходов и возможностей сбережений в таких условиях становится важным индикатором финансового положения домохозяйств и их адаптации к ценовым шокам [4, с. 38–40; 6]. Для экономической политики это сигнал о необходимости учитывать реальные ограничения, с которыми сталкивается население, формируя свое финансовое поведение.

Заключение

Инфляция в Республике Беларусь заметно меняет финансовое поведение домохозяйств через снижение реальной покупательной способности доходов и усиление неопределенности. В результате домохозяйства в первую очередь стремятся сохранить текущий уровень потребления по обязательным статьям расходов, а возможности для сбережений сокращаются. Особенно это характерно для малообеспеченных групп, у которых почти весь доход уходит на базовые нужды, и место для накоплений практически не остается.

Более обеспеченные домохозяйства сохраняют потенциал для сбережений, но меняют их структуру: растёт интерес к валюте, недвижимости и другим способам защиты накоплений от обесценения. Таким образом, инфляция не только уменьшает общий объём сбережений, но и перестраивает их формы. Полученные выводы показывают, что политика, направленная на снижение инфляции и поддержку реальных доходов, одновременно создаёт условия для более устойчивого финансового поведения домохозяйств и укрепления их долгосрочной финансовой безопасности.

Список литературы:

1. Богданова, Ю.О. Основной психологический закон Кейнса в современной экономике / Ю.О. Богданова // Молодежная наука. – 2022. – С. 30-34.
2. Ивановская, Е.О. Теория жизненного цикла Франко Модильяни и формирование доходов населения / Е.О. Ивановская // Белорусский государственный университет информатики и радиоэлектроники. – 2024. – С. 410-412.
3. Тропникова, В.В. Эволюции теории потребления Милтона Фридмена / В.В. Тропникова // Форум молодых ученых. – 2019. – №1 (29). – С. 635-638.
4. Нигматуллина Р.А., Габитова З.Р. Потребительские расходы как индикатор состояния экономики и поведения экономических агентов / Р.А. Нигматуллина, З.Р. Габитова // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия экономика. – № 1 (35). – 2021. – С. 37-42.
5. Индекс потребительских цен на товары и платные услуги в % к предыдущему периоду по территории Республики Беларусь. – [Электронный ресурс] // Официальный сайт Национального статистического комитета Республики Беларусь. – 2025. – Режим доступа: <https://dataportal.belstat.gov.by/osids/indicator-info/10217100003>: 10.11.2025.
6. Социальное положение и уровень жизни населения Республики Беларусь. 2025 // Официальный сайт Национального статистического комитета Республики Беларусь. – [Электронный ресурс]. – 2025. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/4a2/dcbj541glscjhwem5yec7m2mg5ty2hag.pdf>. – Дата доступа: 10.11.2025.
7. Обзор инфляции. Сентябрь 2025 года. – [Электронный ресурс] // Официальный сайт Национального банка Республики Беларусь. – 2025. – Режим доступа: <https://www.nbrb.by/mp/inflation/month/>: 10.11.2025.

ТАРГЕТИРОВАНИЕ ИНФЛЯЦИИ: ПРИНЦИПЫ И ЭФФЕКТИВНОСТЬ В УСЛОВИЯХ РАЗВИВАЮЩИХСЯ ЭКОНОМИК

Протасовицкая София Руслановна

студент,
Белорусский государственный
экономический университет,
Республика Беларусь, г. Минск

Шевцова Вера Викторовна

научный руководитель,
старший преподаватель кафедры финансов,
Белорусский государственный
экономический университет,
Республика Беларусь, г. Минск

В современных условиях глобализации и экономической нестабильности таргетирование инфляции выступает одним из ключевых режимов монетарной политики, направленным на обеспечение ценовой стабильности. Этот подход, получивший распространение в конце XX века, предполагает установку явного целевого уровня инфляции и использование инструментов центрального банка для его достижения. Актуальность темы обусловлена тем, что в развивающихся экономиках, таких как Республика Беларусь, таргетирование инфляции сталкивается с вызовами, включая внешние шоки, зависимость от сырьевых рынков и институциональные ограничения [1; 2].

В условиях развивающихся экономик, таргетирование инфляции позволяет снизить волатильность цен и стабилизировать ожидания экономических агентов. Однако его эффективность зависит от независимости центрального банка, координации с фискальной политикой и адаптации к внешним факторам [4].

Таргетирование инфляции представляет собой режим монетарной политики, при котором центральный банк устанавливает явный целевой уровень инфляции (обычно 2–5% в год) и использует инструменты для его достижения. Этот подход основан на монетаристских идеях, согласно которым инфляция в долгосрочной перспективе является результатом чрезмерного роста денежной массы [1]. Основные принципы таргетирования инфляции включают:

1. Прозрачность и коммуникация. Центральный банк публично объявляет целевой уровень инфляции и объясняет свои действия. Это снижает инфляционные ожидания и повышает доверие к политике. Например, в развитых странах, таких как Новая Зеландия (первый банк применивший таргетирование инфляции в 1989 г.), прозрачность помогает стабилизировать экономику [2].

2. Независимость центрального банка. Для эффективного таргетирования требуется операционная независимость от правительства, чтобы избежать давления на монетарную политику в угоду краткосрочным целям, таким как стимулирование роста за счет инфляции [3].

3. Использование инструментов монетарной политики. Основным инструментом является ключевая ставка (ставка рефинансирования), которая влияет на стоимость кредитов и денежную массу. Другие инструменты – операции на открытом рынке, нормы обязательных резервов и управление обменным курсом. Согласно монетаристам, контроль за агрегатами денежной массы ($M0-M3$) позволяет сдерживать инфляцию [1].

4. Фокус на среднесрочной перспективе. Цель – не нулевая инфляция, а низкая и стабильная (2–4%), чтобы избежать дефляции, которая тормозит рост. В развивающихся экономиках цель часто выше (4–6%), учитывая структурные факторы [4].

Принципы таргетирования инфляции направлены на создание предсказуемой среды для инвестиций и потребления. В теории, таргетирование инфляции делает экономики более устойчивыми к кризисам за счет снижения волатильности инфляции [5]. Однако в практике

развивающихся стран принципы адаптируются к локальным условиям, таким как долларизация экономики и зависимость от импорта [1].

В развивающихся экономиках таргетирование инфляции демонстрирует смешанную эффективность. С одной стороны, оно снижает средний уровень инфляции и ее волатильность, способствуя экономическому росту; с другой – сталкивается с вызовами, такими как внешние шоки и слабые институты [2; 6].

Эффективность таргетирования инфляции подтверждается эмпирическими данными: в странах, перешедших на этот режим (Бразилия, Турция, Россия), инфляция снизилась в среднем на 5–10% в первые годы [3]. Однако в развивающихся экономиках эффективность зависит от координации с фискальной политикой: дефицит бюджета может подорвать усилия центрального банка [4]. Кроме того, высокая долларизация (как в Беларуси, где доля иностранной валюты в денежной массе превышает 50%) ограничивает влияние на агрегат М3 [1].

На примере Республики Беларусь таргетирование инфляции реализуется через цель по инфляции не выше 5% в год, установленную Национальным банком [1]. В 2020–2025 гг. инфляция колебалась: в 2022 г. достигла 17,1% из-за внешних шоков (санкции, кризис в России), но к 2025 г. снизилась до 7–9% [1]. Динамика инфляции (таблица 3 в [1]) показывает сезонные пики, но общий тренд – к стабилизации благодаря контролю денежной массы.

Широкая денежная масса (М3) выросла с 88,7 млрд руб. в январе 2025 г. до 96,7 млрд в октябре, что указывает на умеренный рост, не превышающий целевые показатели [1]. Эффективность проявляется в использовании инструментов: ставка рефинансирования регулирует кредитование, операции на открытом рынке контролируют ликвидность, а управление обменным курсом смягчает влияние девальвации (курс BYN/USD вырос с 2,1 в 2020 г. до 3,4 в 2024 г., но стабилизировался к 2025 г.) [1].

Однако эффективность ограничена внешними факторами: санкции и зависимость от российского рынка усилили инфляцию в 2022–2023 гг. [1]. Исследования показывают, что в развивающихся странах таргетирование инфляции повышает рост ВВП на 0,5–1% за счет стабильных ожиданий, но требует сильных институтов [6]. В Беларуси таргетирование инфляции эффективно в среднесрочной перспективе, но нуждается в усилении прозрачности и координации с фискальной политикой [1; 7].

В условиях повышенной чувствительности развивающихся экономик к внешним и внутренним шокам особое значение приобретает не только достижение целевого уровня инфляции, но и управление ее волатильностью. Снижение амплитуды колебаний инфляции способствует устойчивости потребительских ожиданий, снижению рисков бизнеса и повышению эффективности макроэкономической политики. В этой связи могут быть предложены следующие меры:

1. Усиление качества макроэкономического прогнозирования. Совершенствование моделей прогнозирования позволяет точнее оценивать будущие колебания инфляции [1; 3].

2. Развитие системы мониторинга инфляционных ожиданий. Регулярные обследования предприятий и населения помогают стабилизировать ожидания и скорректировать коммуникационную политику [2; 4].

3. Расширение набора инструментов стерилизации ликвидности. Использование депозитных аукционов, выпуск краткосрочных ценных бумаг и гибкое управление нормами резервирования сглаживают избыточную ликвидность, влияющую на волатильность инфляции [5].

4. Укрепление международных резервов. Формирование достаточного уровня золотовалютных резервов повышает устойчивость к внешним шокам, снижает риск резких колебаний обменного курса и, следовательно, волатильности инфляции. Резервы позволяют проводить валютные интервенции и поддерживать стабильность финансовой системы [1; 6]. Расширение набора инструментов стерилизации ликвидности. Использование депозитных аукционов, выпуск краткосрочных ценных бумаг и гибкое управление нормами резервирования позволит сглаживать избыточную ликвидность, которая является важным фактором волатильности инфляции.

Таргетирование инфляции – эффективный режим монетарной политики для развивающихся экономик, основанный на принципах прозрачности, независимости и

инструментального контроля. В Республике Беларусь оно способствует ценовой стабильности, несмотря на внешние вызовы, как показано в анализе 2020–2025 гг. [1]. Для повышения эффективности рекомендуется усилить прогнозирование и коммуникацию Национального банка [2].

Список литературы:

1. Литвинец А. Н. Инфляционное таргетирование и экономический рост в развивающихся странах [Электронный ресурс] // Актуальные исследования в экономике и праве. – 2023. – № 3. – Режим доступа: https://journalaer.ru/fileadmin/user_upload/site_15934/2023/03_Litvinec.pdf (дата обращения: 05.12.2025).
2. Инфляционное таргетирование в Российской Федерации: предпосылки применения и перспективы стабилизации экономики [Электронный ресурс] // КиберЛенинка. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/inflyatsionnoe-targetirovanie-v-rossiyskoy-federatsii-predposylnki-primeneniya-i-perspektivy-stabilizatsii-ekonomiki> (дата обращения: 05.12.2025).
3. Шайдуллин М. А., Кадочникова Е. И. Таргетирование инфляции и долгосрочный рост: за и против [Электронный ресурс] // 1Economic.ru. – 2025. – Режим доступа: <https://1economic.ru/lib/123326> (дата обращения: 05.12.2025).
4. Кушу А. Таргетирование инфляции [Электронный ресурс] // Вектор экономики. – 2022. – № 2. – Режим доступа: <http://wwwvectoreconomy.ru/images/publications/2022/2/finance-andcredit/Kushu.pdf> (дата обращения: 05.12.2025).
5. Политика таргетирования инфляции [Электронный ресурс] // Econferences.ru. – Режим доступа: <https://econferences.ru/index.php/tafps/article/download/755/566/613> (дата обращения: 05.12.2025).
6. Взаимосвязи монетарной политики с инфляцией и занятостью [Электронный ресурс] // Zhpi.ru. – Режим доступа: <https://zhpi.ru/en/storage/download/236717> (дата обращения: 05.12.2025).

СОВРЕМЕННЫЕ СТРАТЕГИИ БРЕНДИНГА ГОРОДОВ: ТЕОРИЯ И ПРИМЕНЕНИЕ НА ПРИМЕРЕ КАРАКАСА

Родригес Кастильо Сесар Даниель

студент,

Российский Университет Дружбы Народов

имени Патриса Лумумбы,

РФ, г. Москва

CITY MARKETING AND PLACE BRANDING: CONTEMPORARY APPROACHES AND PRACTICAL RECOMMENDATIONS BASED ON THE CASE OF CARACAS

Rodriguez Castillo Cesar Daniel

Student,

Patrice Lumumba Peoples' Friendship

University of Russia,

Russia, Moscow

Аннотация. Брендинг мест стал ключевым инструментом в глобальной конкуренции между городами. В статье рассматриваются принципы формирования территориального бренда, его отличие от туристического маркетинга, а также роль различных акторов и стратегий в построении устойчивого и аутентичного имиджа города. Особое внимание уделяется рискам, показателям эффективности и интеграции брендинга в городскую политику. Завершающая часть статьи включает конкретные рекомендации по развитию бренда города Каракас, основанные на эмпирическом исследовании и анализе его идентичности, целевой аудитории и пространственного потенциала.

Abstract. Place branding has become a key tool in the global competition among cities. This article explores the principles of territorial brand formation, its distinction from tourism marketing, and the role of various actors and strategies in building a sustainable and authentic urban image. Special attention is given to the associated risks, success indicators, and the integration of branding into urban policy. The final section of the article presents concrete recommendations for the development of the city brand of Caracas, based on empirical research and an analysis of its identity, target audience, and spatial potential.

Ключевые слова: брендинг места, городской маркетинг, городская идентичность, позиционирование, стратегия, устойчивое развитие, имидж города, территориальное управление, Каракас, тематическое исследование, городская политика.

Keywords: place branding, city marketing, urban identity, positioning, strategy, sustainable development, city image, territorial governance, Caracas, case study, urban policy.

Рост глобальной конкуренции между территориями привёл к тому, что города перестали быть лишь административными или производственными центрами – они стали брендами, которым необходимо занять своё место на символическом рынке. Брендинг мест возникает как ответ на необходимость выделяться, формировать целостную идентичность и стратегически проецировать её вовне. [1]

Прежде чем перейти к современному понятию, полезно кратко рассмотреть его историческую эволюцию. Хотя практики территориального продвижения существовали с древности – например, через использование имперских символов или мифологических нарративов для привлечения торговли и власти – современное понятие брендинга территорий начало формироваться в конце XX века под влиянием глобализации, конкуренции между регионами и профессионализации городского маркетинга. В 1990-х годах, с трансформацией постиндустриальных городов

и необходимостью привлечения инвестиций и туризма, брендинг стал закрепляться как стратегическая дисциплина [2]. С тех пор он эволюционировал, включив в себя элементы публичного управления, коммуникации, гражданского участия и градостроительного планирования.

Брендинг мест – это процесс создания и управления имиджем территории как бренда. В отличие от туристического маркетинга, который направлен на привлечение посетителей, брендинг охватывает более широкую перспективу: привлечение инвестиций, талантов, новых жителей, проведение мероприятий и позиционирование города в международных сетях [5]. Речь идёт не просто о «продаже» города, а о наделении его смыслами, ценностями и восприятием, которые выделяют его в глобальном воображении. Среди ключевых компонентов брендинга: идентичность, основанная на истории, культуре и ресурсах; образ, то есть внешнее восприятие, которое может отличаться от внутренней идентичности; позиционирование, или стратегический выбор черт, которые город хочет транслировать; участие местных акторов для легитимности и согласованности; и нарратив – связующая история, передающая суть места.

Формирование городской идентичности требует коллективной рефлексии. Городам важно понять, что делает их уникальными и как они хотят быть восприняты. Такая идентичность должна опираться на ценности и наследие, но при этом учитывать современные вызовы: устойчивое развитие, культурное разнообразие, технологии. Успех брендинга зависит от совместного управления. Помимо городских властей, активную роль играют местный бизнес, культурные учреждения, СМИ, университеты и сами жители [8]. Создание бренда должно происходить как снизу вверх, так и сверху вниз – сочетая инициативу граждан и стратегическое видение.

К типичным стратегиям городского брендинга можно отнести ребрендинг индустриальных городов в креативные хабы, продвижение международных событий (ярмарки, фестивали, олимпиады), использование знаковой архитектуры как средства притяжения, территориальный сторителлинг, основанный на мифах и культурных кодах, а также государственную политику, ориентированную на качество жизни и устойчивость [7]. Города вроде Барселоны, Мельпина, Бильбао, Берлина и Амстердама демонстрируют успешные примеры, где сочетаются идентичность, нарратив, инновации и участие [6]. У каждого города свой путь, но их объединяет стратегическая последовательность и долгосрочное видение.

Несмотря на возможности, брендинг мест сопряжён с рядом рисков: унификация – копирование чужих моделей без подлинности; джентрификация – вытеснение местного населения ради «идеального» имиджа; поверхность – акцент на внешнем виде без структурных изменений; конфликты интересов – когда брендинг приносит выгоду лишь части акторов [4]. Успех измеряется не только числом туристов, но и ростом прямых инвестиций, притоком талантов и студентов, улучшением международного имиджа, удовлетворённостью жителей и их вовлечённостью в процесс формирования бренда [9].

Чтобы быть эффективным, брендинг должен быть встроен в городскую политику. Это не отдельная рекламная кампания, а сквозная стратегия, влияющая на урбанизм, транспорт, социальную инклюзию и международную репутацию. Только в этом случае возможно соответствие между нарративом и реальным городским опытом. Будущее городского брендинга будет определяться цифровизацией (платформы, дополненная реальность, соцсети), «зелёным» позиционированием (устойчивые и устойчиво развивающиеся города), инклюзивностью (бренды, построенные на разнообразии) и сотрудничеством городов в рамках международных сетей [4].

Брендинг мест – это не декоративный инструмент, а стратегия территориального управления, требующая согласованности, участия и подлинности. Города, способные понять свою суть, слушать своих жителей и транслировать целостное видение, имеют больше шансов выделяться в мире, который становится всё более взаимосвязанным и конкурентным.

Применение стратегий территориального брендинга: предложения для города Каракас – Для эффективного внедрения территориального брендинга на практике необходимо учитывать реальные контексты и вызовы конкретных городов. На основании анализа города Каракас и проведённого социологического исследования предлагается ряд конкретных шагов по

формированию устойчивого и аутентичного бренда столицы Венесуэлы. Символом города должен стать национальный парк Эль-Авила как ключевой элемент городской идентичности. Рекомендуется использовать зелёный цвет как основной в логотипе и фирменном стиле, отражающим природное богатство и экологическое измерение Каракаса. Также целесообразно интегрировать образ «льва» как талисмана бренда, отсылающего к историческому названию города – Сантьяго-де-Леон-де-Каракас.

На основе восприятия жителей сформулированы два стратегических слогана: «Каракас – город, где все улыбаются», подчёркивающий дружелюбный и жизнерадостный характер населения, и «Каракас – город, в котором есть всё», демонстрирующий богатство культурного, гастрономического, природного и развлекательного предложения. В качестве ключевых элементов бренда следует продвигать Эль-Авилу, исторический центр, дом Симона Боливара, а также современные культурные мероприятия, такие как CusicaFest и городские ярмарки, формируя тем самым живой и привлекательный культурный нарратив.

Внутренняя целевая аудитория бренда – это в первую очередь жители в возрасте от 21 до 30 лет, студенты, молодые профессионалы и активные участники городской жизни. Внешняя аудитория включает туристов, диаспору, инвесторов и потенциальных жителей. Чтобы сформированный бренд был не только символическим, но и функционально обоснованным, требуется принятие комплексных мер по улучшению городской среды – повышение безопасности, развитие транспортной инфраструктуры, коммунальных услуг и экологических инициатив.

Предлагается создать координационный совет или агентство по брендингу Каракаса, включающее представителей муниципальной власти, бизнеса, университетов, культурного сектора и гражданского общества, что обеспечит легитимность, согласованность и стратегическую устойчивость бренда. Также необходимо запустить официальные цифровые платформы бренда в интернете и социальных сетях, что позволит транслировать идентичность города, вести диалог с жителями и туристами, информировать о мероприятиях и повышать узнаваемость столицы.

Реализация этих предложений позволит Каракасу не только улучшить собственный имидж и символическое присутствие на международной арене, но и повысить внутреннюю сплочённость, активизировать экономическую и туристическую деятельность и вернуть городу его значимость как культурного и стратегического центра Латинской Америки.

Список литературы:

1. Анаулт, С. (2007). Конкурентная идентичность: новое управление брендом для наций, городов и регионов. Нью-Йорк: Palgrave MacMillan.
2. Ашворт, Г., & Вогд, Х. (1990). Продажа города: маркетинговые подходы в градостроительном планировании государственного сектора. Лондон: Belhaven Press.
3. Верду, В. (2003). Стиль мира: жизнь в капитализме фикции. Барселона: Anagrama.
4. Вегара, А., & де лас Ривас, Х.Л. (2004). Умные территории. Мадрид: Fundación Metrópoli.
5. Ван Хам, П. (2002). "Брендинг территорий: внутри удивительных миров PR и теории международных отношений". *Journal of International Studies*, 31(2), 249–269.
6. Гомес, М. (1998). "Отражающие образы: случай урбанистической регенерации в Глазго и Бильбао". *International Journal of Urban and Regional Research*, 22(1), 106–121.
7. Голд, Д.Р., & Уорд, С. (1994). Продвижение мест: использование рекламы и маркетинга для продажи городов и регионов. Чичестер: John Wiley & Sons.
8. Гринберг, М. (2002). "Брендинг городов: социальная история журнала об урбанистическом образе жизни". *Urban Affairs Review*, 36(2), 228–263.
9. Флорида, Р. (2005). Утечка креативного класса: новая глобальная конкуренция за таланты. Нью-Йорк: Harper Collins Business.

ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ПРОЦЕССЫ ЛОГИСТИКИ

Фоломеева Ангелина Владиславовна

студент,

ОГАПОУ Ульяновский авиационный колледж – Межрегиональный центр компетенций, РФ, г. Ульяновск

Дубовик Ирина Борисовна

научный руководитель,

преподаватель,

ОГАПОУ Ульяновский авиационный колледж – Межрегиональный центр компетенций, РФ, г. Ульяновск

Аннотация. В статье рассматривается влияние информационных технологий на логистические процессы. Анализируются ключевые направления цифровой трансформации в логистике, включая автоматизацию, системы управления цепочками поставок и использование больших данных. Показана значимость ИТ для повышения эффективности, прозрачности и адаптивности логистических операций.

Ключевые слова: информационные технологии, логистика, автоматизация, управление цепочками поставок, большие данные, цифровая трансформация.

ВВЕДЕНИЕ

Современная логистика стремительно меняется под воздействием информационных технологий. Развитие информационных технологий позволяет интегрировать различные звенья цепочки поставок, оптимизировать маршруты, улучшать управление запасами и складскими операциями. Мне захотелось изучить то, каким же образом внедрение ИТ-технологий трансформирует процессы логистики и способствует повышению её эффективности.

1.АВТОМАТИЗАЦИЯ И УПРАВЛЕНИЕ ПРОЦЕССАМИ

Информационные технологии позволяют автоматизировать многие рутинные операции в логистике: обработку заказов, документооборот, мониторинг транспорта. Системы управления складом и транспортом обеспечивают точность и сокращают время выполнения операций.

1.Системы управления цепочками поставок это современные SCM-системы, которые обеспечивают координацию всех участников цепочки: поставщиков, производителей, дистрибуторов и покупателей. Это снижает издержки, минимизирует риски сбоев и повышает адаптивность к изменениям спроса.

2. Использование больших данных и аналитики. Сбор и анализ больших объёмов данных позволяют прогнозировать спрос, оптимизировать запасы и выявлять узкие места в логистике. Применение искусственного интеллекта и машинного обучения помогает автоматизировать принятие решений.

Интернет вещей и отслеживание грузов. Внедрение сенсоров и GPS-слежения обеспечивает в реальном времени контроль состояния и местоположения грузов, что существенно повышает прозрачность и снижает риски потерь.

Внедрение современных информационных технологий трансформирует логистику, обеспечивая ощутимый рост экономической эффективности и производительности труда. Это достигается за счет снижения затрат на транспортировку и хранение, ускорения товарооборота и существенного повышения уровня клиентского сервиса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Информационные технологии в настоящее время становятся уже базисом современной логистики, обеспечивая автоматизацию, интеграцию и интеллектуальное управление процессами. Их внедрение существенно повышает эффективность, надежность и гибкость логистических систем, что является ключевым фактором конкурентоспособности компаний в условиях глобализации.

Список литературы:

1. Сергеев В.И. Логистика: Информационные системы и технологии" / В. И. Сергеев. – Москва : Москва, 2020 – 230 с. – ISBN 978-5-334-00240-1.
2. Иванов С. П. Информационные технологии в логистике / С. П. Иванов. – Санкт-Петербург : Питер, 2019. – 256 с. – ISBN 978-5-4461-0952-3.
3. Кузнецова Е. В. Цифровая трансформация цепочек поставок / Е. В. Кузнецова // Логистика сегодня. – 2021. – № 4. – С. 45-52.
4. Петров А. И. Большие данные и аналитика в логистике / А. И. Петров. – Москва : Логистик-Пресс, 2020. – 198 с. – ISBN 978-5-9909392-7-4.
5. Смирнов Д. Ю. Автоматизация транспортных процессов / Д. Ю. Смирнов. – Москва : Транспорт, 2018. – 210 с. – ISBN 978-5-907775-23-1.

РУБРИКА

«ЮРИСПРУДЕНЦИЯ»

ОСОБЕННОСТИ ДОГОВОРА АРЕНДЫ ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА, НАХОДЯЩЕГОСЯ В ЧАСТНОЙ, МУНИЦИПАЛЬНОЙ ИЛИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Анохина Елена Алексеевна

*магистрант,
Государственный университет по землеустройству,
РФ, г. Москва*

Аннотация. Договор аренды земельного участка является ключевым инструментом оборота прав на землю в России. Его существенные условия и порядок заключения кардинально различаются в зависимости от того, находится ли земля в частной, муниципальной или государственной (федеральной) собственности. Основное различие заключается в степени свободы сторон и процедуре предоставления: в частной собственности действует принцип свободы договора, а в публичной – принцип открытости, конкурентности и соблюдения установленных публичных интересов. Это влечет за собой различия в ценообразовании, сроке договора (для публичных земель часто ограничен) и основаниях для изменения и расторжения соглашения

Abstract. A land lease agreement is a key instrument for the exchange of land rights in Russia. Its essential terms and the procedure for concluding it vary dramatically depending on whether the land is private, municipal, or state (federal) property. The primary difference lies in the degree of freedom of the parties and the granting procedure: private ownership is governed by the principle of freedom of contract, while public ownership is governed by the principle of openness, competition, and respect for established public interests. This entails differences in pricing, the term of the agreement (often limited for public land), and the grounds for modification and termination of the agreement.

Ключевые слова: договор аренды земельного участка, частная, муниципальная, государственная собственность.

Keywords: land lease agreement, private, municipal, state property.

В части 2 статьи 8 Конституции РФ сказано, что в нашем государстве признаются и защищаются равным образом частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности. Далее, в статье 9 упоминается, что Земля и иные природные ресурсы могут находиться в муниципальной собственности. Понятие муниципальной собственности упоминается в статье 215 ГК РФ. Так, в части 1 указанной статьи отмечается, что имущество, которое принадлежит сельским и городским поселениям на праве собственности, а также иным муниципальным образованиям, следует называть муниципальной собственностью. Из указанного определения следует вывод, что, во-первых, муниципальная собственность выделена в обособленную, самостоятельную форму собственности, совместно с остальными формами собственности, которые признаются в нашей стране. А, во-вторых, муниципальную собственность законодатель относит к публичному типу собственности. Муниципальная собственность отличается от частной собственности. Так, в частности, собственность муниципальная призвана служить удовлетворению интересов общества, то есть общему благу. Именно в этом состоит главное предназначение этого вида собственности. Что касается же частной собственности, то она направлена, в первую очередь, на удовлетворение интересов одного лица или группы лиц, то есть приоритет отдается частным интересам. Как отмечает В.Г. Игнатов

и В.В. Рудова, муниципальная собственность – это система отношений по присвоению населением муниципального образования предметов потребления и средств производства, а также по совместному владению, распоряжению и пользованию природными условиями, социальной и производственной инфраструктурой с целью воспроизведения социально-экономической системы и обеспечения экономического роста в стране. С учетом указанного определения можно сделать вывод, что муниципальная собственность выступает в следующих проявлениях, являющихся взаимосвязанными:

- Во-первых, муниципальная собственность как вещественный, или, другими словами, хозяйствственно-имущественный комплекс. В данном проявлении муниципальная собственность предоставляет конкретному территориальному образованию какие-либо услуги или товары, к примеру, услуги транспорта. Ценность такой собственности в этом проявлении измеряется в единицах тех услуг и товаров, которые производятся или могут быть произведены при употреблении этой собственности.
- Во-вторых, муниципальная собственность как стоимостный или, иными словами, экономический комплекс. В данном проявлении ценность анализируемой собственности определяется, главным образом, объемом тех денежных средств, которые могут появиться в процессе активного использования этой собственности у муниципального образования

В современном финансово-кредитном словаре можно найти следующее толкования понятия муниципальная собственность: имущество, которое находится в ведении и распоряжении местных органов управления, муниципальных органов власти. По мнению С.А. Чудинова, муниципальная собственность в настоящее время представляет собой один из наиболее важных элементов современной экономической системы отечественного государства. Муниципальная собственность, как подчёркивает автор, включает в себя широкую сеть объектов хозяйственного и социально-бытового назначения, локализованную в рамках муниципального образования и являющуюся основой территориальной воспроизводственной системы. А.М. Цирин определяет муниципальную собственность как самостоятельный вид собственности публичной наряду с государственной собственностью, представляющей собой собственность Российской Федерации и ее субъектов. Э.И. Абдулина отмечает, что наравне с государственной и частной собственностью муниципальная собственность представляет собой самостоятельную форму собственности и обеспечивает условия воспроизведения и сохранения объектов жизнеобеспечения муниципального образования с целью удовлетворения приоритетных потребностей местного сообщества. В статье 19 ЗК России отмечается, что в муниципальной собственности находятся земельные участки:

- которые признаны таковыми федеральными законами и принятыми в соответствии с ними законами субъектов Российской Федерации;
- право муниципальной собственности на которые возникло при разграничении государственной собственности на землю;
- которые приобретены по основаниям, установленным гражданским законодательством;
- которые безвозмездно переданы в муниципальную собственность из федеральной собственности.

В состав муниципальной собственности могут входить различные природные ресурсы и земельные участки, которые, в свою очередь, являются:

- Признанными таковыми Федеральными законами и соответствующими законами субъектов России;
- Приобретенными на основании требований гражданского законодательства;
- Приобретенными на основании гражданско-правовых сделок;
- Приобретенными на основании безвозмездной передачи из федеральной собственности;
- Перешедшими в муниципальную собственность при разграничении государственной собственности на землю.

Муниципальная собственность, равно, как государственная и частная, находится под защитой государства. Земельные участки, находящиеся в муниципальной собственности, могут быть:

- Землями общего пользования, допускающими нахождение на их территории граждан, с правом пользования природными объектами, находящимися на этом участке, в соответствии с разрешением собственника и законно-правовых актов (п.1 ст.262 ГК РФ);

- Землями, закрытыми для общего доступа.

Законодатель рассматривает в качестве объекта прав собственности муниципальных территориально-правовых образований исключительно земельный участок, в то время как указывалось выше, Конституция Российской Федерации гарантировала возможность нахождения в муниципальной собственности именно земли. Некоторые особенности договора аренды земельного участка, который находится в государственной или муниципальной собственности, определены нормами статьи 39.8 ЗК РФ. Если целевое использование такого земельного участка заключается в пользовании недрами, то в обязательном случае в условиях такого договора должны быть предусмотрены обязанности арендатора по проведению рекультивации предмета договора (заметим, что рекультивация предусматривает проведение определенных мероприятий, нацеленных на предотвращение деградации земли и восстановления их изначального плодородного состояния). Также, некоторые особенности имеют сроки договора аренды земельного участка, который находится в государственной или муниципальной собственности. Как было отмечено ранее, срок является важным условием рассматриваемого договора. В случае с землями государства или муниципалитетов сроки могут варьироваться в зависимости от цели использования участка. К примеру, если участок земли берется в аренду в целях размещения линейных объектов (для размещения трубопроводов, линий электропередач, железнодорожных линий и других подобных объектов), то срок аренды должен быть заключен до 49 лет. В свою очередь, если на арендованном участке планируется реконструкция сооружений, зданий или строительство, то срок аренды может быть согласован сторонами сделки в пределах 3-10 лет в зависимости от проводимых работ. Если земельный участок берется в аренду в целях ведения на нем охотничьего хозяйства, то в данном случае сроки зависят от срока действия, выданного лицу охотхозяйственного соглашения. Указанные сроки регулируются законодателем в ч.8 ст. 39.8 ЗК РФ.

Список литературы:

1. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ// СЗ РФ от 29 октября 2001 г. N 44 ст. 4147
2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993, ст. 8, ч. 2.
3. Чудинов С.А. Муниципальная собственность как экономическая основа функционирования и развития муниципальных образований // Экономика и управление: анализ тенденций и перспектив развития. 2012. –№ 2-1. – С. 149.
4. Абдуллина Э.И. Место муниципальной собственности в системе форм собственности // Альманах современной науки и образования. 2019. – № 2-1. – С. 120
5. Цирин А.М. Правовые основы муниципальной собственности в Российской Федерации: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.03. – Москва, 2006. – С. 16.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДОГОВОРА АРЕНДНЫХ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ В ГРАЖДАНСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Анохина Елена Алексеевна

магистрант,
ФГБОУ ВО Государственный университет
по землеустройству,
РФ, г. Москва

Аннотация. Актуальность данной работы обусловлена следующими факторами. В первую очередь необходимо подчеркнуть, что институт сделок является центральным гражданско-правовым институтом в современной цивилистической доктрине. Поскольку сделки считаются наиболее распространенными основаниями возникновения гражданских прав с учетом положений современного законодательства, то можно отметить то важное место, которое они занимают среди всех правомерных юридических действий. Свободное перемещение различных объектов, финансовых средств, всевозможных услуг и товаров от одного субъекта правоотношений к другому не представляется возможным без заключения сделок. По этой причине, в научной доктрине, в правовых источниках и в судебной практике наблюдается повышенный интерес к институту сделок, в том числе, к сделкам с землей.

Abstract. The relevance of this work is determined by the following factors. First and foremost, it is important to emphasize that the concept of transactions is a central civil law institution in modern civil law doctrine. Since transactions are considered the most common grounds for the emergence of civil rights, taking into account the provisions of modern legislation, it is worth noting the important place they occupy among all legitimate legal actions. The free movement of various objects, financial resources, and all kinds of services and goods from one party to another is impossible without the conclusion of transactions. For this reason, scholarly doctrine, legal sources, and judicial practice have shown increased interest in the concept of transactions, including land transactions.

Ключевые слова: сделка, договор аренды земельных участков, земельный участок.

Keywords: transaction, land lease agreement, land plot.

Договор аренды представляет собой классический вид договоров, а история его существования насчитывает не одну сотню лет. Следует отметить, что первые упоминания о данном виде договора, хоть и носили отрывочный, фрагментарный характер, но все же имели место уже в актах Древнего Египта и Вавилона. В римском праве, однако, договору найма была придана современная его форма.

В качестве отличительной черты римского подхода можно назвать то обстоятельство, что смена собственника в те времена влекла за собой, соответственно, и прекращение договора аренды той или иной вещи. Таким образом, право пользования арендатора за вещью не следовало и пользовалось определенной вещно-правовой защитой. Впоследствии в Европе несколько трансформировались некоторые особенности правового регулирования исследуемого договора, в особенности за счет заимствования конструкций из вещного права, однако следует подчеркнуть, что основы договора аренды оставались без каких-либо изменений.

Как отмечает Б.М. Гонгало, исторически в отечественном правопорядке сложилось так, что именно данный договор явился базовой формой для передачи того или иного имущества для различных целей в возмездное пользование.

Следует заметить, что договор найма был известен в отечественном гражданском праве достаточно давно – со временем «Русской Правды». Но в этот исторический момент сильного различия между арендой и остальными правовыми институтами еще не происходило.

Действующий в настоящее время Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) существенным образом расширил количество статей, которые регламентируют

данный договор, в частности, аренде посвящена глава 34 данного кодекса, которая состоит из следующих шести параграфов:

- во-первых, общие положения об аренде;
- во-вторых, раздел, посвященный особенностям договора проката;
- в-третьих, раздел, в котором закреплены особенности договора аренды транспортных средств;
- в-четвертых, раздел, посвященный аренде зданий и сооружений;
- в-пятых, раздел, закрепляющий особенности аренды предприятий;
- в-шестых, особенности лизинга или финансовой аренды.

В качестве основной цели договора аренды необходимо отметить обеспечение передачи имущества во временное пользование. При этом стоит подчеркнуть, что в этой передачи заинтересованы обе стороны заключаемого договора. Объектом анализируемого договора является земельный участок, в связи с чем следует определить его особенности.

Каждое исследование требует определения и логического употребления в нём соответствующего терминологического аппарата. Не является исключением в этом плане и проблематика, связанная с договорными конструкциями аренды земельных участков, поскольку действующее законодательство содержит несколько почти синонимических терминов – «земля», «земли», «земельный участок», что приводит к неоднозначным выводам как в теории права, так и при правоприменении. Юридическая природа этих терминов раскрывается по-разному, непосредственно влияет на то, каким способом эти понятия находят выражение в нормах закона. В юриспруденции продолжаются дискуссии и о том, в рамках какого права, земельного и гражданского, должны регулироваться имущественные отношения, связанные с земельной собственностью. Важное практическое значение имеет вопрос соотношения правового регулирования ГК РФ и ЗК РФ. На основе нормативно-правового сравнения статей ЗК РФ и ГК РФ можно сделать вывод о тождестве значительного их количества в части регулирования имущественных отношений, объектом которых являются земельные участки. Так, закреплённые общие принципы правового регулирования имущественных отношений в главе 17 ГК РФ (относительно права собственности на землю (земельный участок)) продублированы в главе III ЗК РФ (относительно права собственности на землю). При этом следует заметить, что ГК РФ содержит более точное название главы «Право собственности и другие вещные права на землю», где указаны общие положения регулирования отношений собственности относительно исследуемого объекта. Итак, законодатель не ограничил предмет правового регулирования вышеупомянутых кодексов, следствием чего является закрепление одинаковых по правовой сути правовых норм в различных кодексах. Как видим, при регулировании отношений по земельным участкам наблюдается дуализм норм гражданского и земельного права. По общему правилу, нормы законодательства соотносятся между собой как общие и специальные. При наличии специальной нормы закона общая норма не может применяться. Если возникает коллизия норм двух отраслей права, действует специальная норма. В этом смысле можно говорить о приоритете норм земельного законодательства, когда речь идёт о регулировании земельных отношений, родственных с гражданскими правоотношениями. Но необходимо более чётко разграничивать сферу действия гражданского и земельного законодательства для того, чтобы предмет их регулирования не пересекался между собой. Земельный участок – это правовая категория, которая поступает в гражданский оборот как объект гражданских прав в результате совершения в отношении него юридически значимых действий, как: установление его границ, оценка, присвоение индивидуального кадастрового номера и тому подобное. Для того, чтобы являться предметом аренды, земельный участок должен отвечать определенным требованиям. Как отмечает Е.С. Капша и А.С. Макеева, каждый участок земли для того, чтобы являться полноценным объектом гражданско-правовых отношений должен быть индивидуально определен, иными словами, он должен иметь четкие границы, отраженные в правоустанавливающих документах, а также должны быть известны данные о его местоположении, целевом использовании (например, под жилую застройку), его площадь, вид разрешенного использования. Понятие аренды законодателем представлено в статье 606 ГК РФ следующим

образом: «по договору аренды (имущественного найма) арендодатель (наймодатель) обязуется предоставить арендатору(нанимателю) имущество за плату во временное владение и пользование или во временное пользование». Как видим, законодатель предоставлен арендатору право выбора в отношении земельного участка – пользоваться им, или пользоваться и владеть в пределах срока аренды. Что касается распоряжения земельным участком, то данное правомочие в аренде не переходит от арендодателя к арендатору, основные составляющие права собственности остаются у арендодателя неизменными. Как отмечает И.Г. Барановская в своем диссертационном исследовании, по сравнению с законодательством римского права, в котором арендатору переходило только одно правомочие – пользование, современный законодатель расширил права данной стороны договора, добавив еще возможность для него временного владения и пользования. Специфическими признаками договора аренды земельного участка, позволяющие идентифицировать и отличать его от других сделок в гражданском праве российского государства, являются следующие его характеристики:

- договор аренды земельного участка является возмездным. Сказанное означает, что арендатор обязуется уплачивать арендную плату за использование земельного участка. Возмездность в данном контексте подразумевает обмен ценностями между арендатором и арендодателем, где арендная плата является возмездным элементом, поддерживающим экономическую справедливость в рассматриваемой сделке;

- договор аренды земельного участка является двусторонним.

Список литературы:

1. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ// СЗ РФ от 29 октября 2001 г. N 44 ст. 4147
2. Гражданское право: Учебник. В 2 т. / Под ред. Б.М. Гонгало. Т. 2. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2017. – С.237.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон Российской Федерации от 26.12.1996 г. № 14-ФЗ
4. Барановская И.Г. Гражданко-правовое регулирование договора аренды земельных участков в России: диссертация ... кандидата юридических наук. – Москва, 2014. – С. 49

ПРОБЕЛЫ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПРЕСТУПНОСТИ: КАК УТРАТА ПРОКУРОРОМ ПРАВА ВОЗБУЖДАТЬ УГОЛОВНЫЕ ДЕЛА ОСЛАБЛЯЕТ ФУНКЦИЮ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

Атабаева Анастасия Сергеевна

*студент,
Приволжский филиал,
Российский государственный университет
правосудия имени В.М. Лебедева,
РФ, г. Нижний Новгород*

Агеев Александр Николаевич

*научный руководитель,
канд. юрид. наук, доц. кафедры
уголовно-процессуального права
Приволжский филиал,
Российский государственный университет
правосудия имени В.М. Лебедева,
РФ, г. Нижний Новгород*

Аннотация. Современная российская уголовно-процессуальная модель, закрепленная Уголовно-процессуальным кодексом РФ 2001 года, основана на принципе разделения ключевых процессуальных функций: обвинения (уголовного преследования), защиты и разрешения дела. Одним из наиболее дискуссионных последствий этой реформы стало радикальное сужение полномочий прокурора на досудебных стадиях, в частности, изъятие у него права возбуждать уголовные дела.

Данная прерогатива была передана органам предварительного следствия и дознания, а роль прокурора сведена к надзору за законностью их решений. Однако правоприменительная практика последних лет все отчетливее выявляет системные пробелы в противодействии преступности, связанные с этой новой архитектурой.

Возникают ситуации, когда отсутствие у прокурора оперативного рычага в виде права на возбуждение дела приводит к волоките, утрате доказательств, а в некоторых случаях – к фактической безнаказанности, особенно в сфере латентных преступлений или при противодействии со стороны правоохранительных органов. Таким образом, анализ того, как утрата прокурором этого полномочия ослабляет функцию уголовного преследования в целом, представляется исключительно актуальным как для теории уголовного процесса, так и для поиска путей оптимизации правоохранительной деятельности.

Ключевые слова: Уголовное судопроизводство, прокурор, прокурорский надзор, полномочия прокурора, возбуждение уголовного дела, органы предварительного расследования, уголовное дело, уголовное преследование

В соответствии со ст. 3, 112, 115 УПК РСФСР (1960 г.) прокурор обладал правом возбуждения уголовного дела по любому материалу, включая сообщения о преступлениях, поступавшие непосредственно в прокуратуру. Он был обязан возбудить уголовное дело при наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления [1, с.6].

Однако, реформы 2007–2010 годов стали поворотным пунктом в эволюции процессуального статуса прокуратуры, радикально изменив её роль в досудебном производстве. В ходе этих преобразований прокуратура была лишена двух ключевых властных прерогатив: права самостоятельно возбуждать уголовные дела и права проводить по ним предварительное следствие. Одновременно произошло масштабное перераспределение контрольных функций: значительная часть полномочий по надзору за законностью процессуальных решений

следователя была передана от прокурора руководителю следственного органа, что закрепило внутриведомственный, а не внешний надзорный контроль на стадии расследования.

Данная трансформация, направленная на укрепление процессуальной самостоятельности следователя и формальное разделение функций обвинения и надзора, не получила однозначной оценки в профессиональном сообществе. Как со стороны практикующих юристов – прокуроров, следователей, адвокатов – так и в академической среде, среди учёных-процессуалистов, сформировалась устойчивая дискуссионная позиция, в рамках которой достоинства новой модели оспариваются в контексте её системных издержек для эффективности уголовного преследования и защиты прав участников процесса.

Инициированная Федеральным законом № 87-ФЗ от 5 июня 2007 года реформа затронула сами основы организации предварительного следствия [2 с.6]. Закон упразднил следственный аппарат в системе прокуратуры, создав вместо него Следственный комитет при Прокуратуре РФ, который не находился в прямом подчинении у последней, а с 15 января 2011 года он был преобразован в полностью самостоятельный федеральный орган – Следственный комитет РФ.

Однако институциональное выделение следствия стало лишь одним, хотя и наиболее заметным, элементом масштабной трансформации. Центральным элементом реформы явилось последовательное и значительное ограничение объёма власти, которой ранее располагал прокурор в рамках уголовного процесса. Он был последовательно лишен трёх ключевых функций: права возбуждать уголовные дела, права самостоятельно проводить предварительное следствие, права выполнять отдельные следственные действия.

Как отмечает А. В. Спирин, «одним из самых эффективных и действенных полномочий, которыми располагали прокурор на этой стадии процесса до внесения изменений в УПК РФ 5 июня 2007 г., было право возбуждения уголовного дела» [3 с.6].

Первым аргументом за возвращение прокурорам права самостоятельно возбуждать уголовные дела, является результат анализа статистических данных, который наглядно демонстрирует последствия реформы. В 2005 году, когда прокуроры сохраняли полномочие по возбуждению уголовных дел, ими было отменено 517 706 незаконных или необоснованных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела. Примечательно, что в 25% случаев (каждое четвертое решение) отмена сопровождалась возбуждением уголовного дела самим прокурором, что свидетельствует о прямой и оперативной реализации надзорной функции.

Современные показатели, согласно официальной отчетности Генеральной прокуратуры, отражают иной характер прокурорского реагирования. По состоянию на октябрь 2022 года общее количество нарушений, выявленных на стадии возбуждения уголовных дел с начала года, достигло отметки 4 341 436. Динамика предыдущих лет показывает устойчивый рост этого показателя: за аналогичный период 2021 года выявлено 4 307 000 нарушений, а в 2020 году – 4 223 077. Эта статистика указывает не только на масштаб проблем на досудебной стадии, но и на структурный сдвиг в работе прокуратуры – от властного полномочия по инициации уголовного преследования к выявлению многочисленных нарушений, устранение которых зависит от последующих действий органов расследования.

Научная критика ограничения полномочий прокуратуры находит прямое подтверждение в оценках практиков высочайшего уровня. Так, И. В. Ткачев, заместитель Генерального прокурора РФ, прямо указывает на негативные последствия реформы. В своей статье он подчёркивает: «Лишение прокурора полномочия по возбуждению уголовных дел значительно снизило результативность надзорной деятельности. В некоторых случаях прокурорам приходится в прямом смысле годами добиваться привлечения к уголовной ответственности» [4 с.6].

В качестве следующего весомого довода в пользу восстановления данного полномочия выступает системная проблема правоприменения, а именно – практика фактического игнорирования органами предварительного расследования надзорных решений прокурора. Речь идёт о ситуации, когда после отмены прокурором незаконного или необоснованного постановления об отказе в возбуждении уголовного дела дознаватель или следователь, вместо устранения

выявленных нарушений, формально выполняют требование, вновь вынося аналогичный отказ по тем же основаниям либо под иным предлогом.

В рамках реформы досудебного производства законодатель предпринял попытку частичной компенсации утраченных прокуратурой полномочий. Так, в статью 140 УПК РФ был введён повод для возбуждения уголовного дела – постановление прокурора о направлении материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании [5 с.6]. Для обеспечения дополнительных гарантий реализации этого механизма в статью 148 УПК РФ включена норма, согласно которой отказ в возбуждении дела по такому прокурорскому постановлению допускается исключительно с согласия руководителя следственного органа, что формально усиливает позицию прокурора.

Ключевым инструментом прокурорского реагирования в данной ситуации выступает право, закреплённое в пункте 5.1 части 2 статьи 37 УПК РФ. Оно позволяет прокурору истребовать и подвергнуть проверке на предмет законности и обоснованности решения следователя или руководителя следственного органа об отказе в возбуждении, приостановлении или прекращении уголовного дела, с последующим принятием собственного решения в соответствии с УПК РФ.

Однако системный анализ данной нормы в её взаимосвязи с процедурами, установленными статьями 146 и 148 УПК, позволяет сделать вывод о её ограниченной эффективности. Предоставленный прокурору механизм носит преимущественно контрольный и отчасти инициирующий характер, позволяя добиться возбуждения дела, но лишь при условии выявления веских оснований для отмены ранее принятого решения органов расследования. Основной системный изъян этой модели заключается в её временной протяжённости. Многоэтапная процедура проверки, отмены и повторного рассмотрения неизбежно ведёт к значительной потере времени, что, в свою очередь, создаёт прямую угрозу нарушения законных интересов потерпевших, способствует утрате доказательств и в итоге снижает эффективность всего уголовного преследования.

Проведенное исследование позволяет констатировать, что лишение прокуратуры полномочия возбуждать уголовные дела, задуманное как инструмент укрепления состязательности и независимости следствия, породило комплекс системных проблем, ослабляющих эффективность уголовного преследования как целостной функции государства. На основании изложенного представляется практически обоснованной необходимость возвращения прокуратуре полномочия возбуждать уголовные дела. Возвращение данной функции позволит восстановить оперативность уголовного преследования и усилит гарантии защиты прав граждан.

Список литературы:

1. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР [Электронный ресурс] : утв. ВС РСФСР 27.10.1960 // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru – (дата обращения: 10.12.2025);
2. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» от 05.06.2007 N 87-ФЗ (последняя редакция)// СПС КонсультантПлюс (дата обращения 10.12.2025);
3. Спирин А.В. О необходимости наделения прокурора правом возбуждения уголовного дела // Юридические исследования. 2016. №8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-neobhodimosti-nadeleniya-prokurora-pravom-vozbuzhdeniya-ugolovnogo-dela> (дата обращения: 10.12.2025);
4. Ткачев И.В. О необходимости расширения полномочий прокурора по надзору за процессуальной деятельностью Следственного комитета // Российская юстиция. – 2014. – № 9. – С. 54;
5. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.10.2025) // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 10.12.2025);

6. Тогулев В. М. Ведомственный контроль или (и) прокурорский надзор за следствием? // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2020. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vedomstvennyy-kontrol-ili-i-prokurorskiy-nadzor-za-sledstviem> (дата обращения: 10.12.2025);
7. Быков В.М. Правовое положение прокурора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Российской юстиция. – 2016. – №11. – С. 30-34.
8. Чурикова А.Ю. Правовая модель деятельности прокурора в российском и зарубежном уголовном процессе / под ред. Н.С. Мановой. М., 2022.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ГОСУДАРСТВА

Костоев Рашид Васланович

студент,

Саратовская государственная юридическая академия,
РФ, г. Саратов

Темерсултанов Тамирлан Хасанович

студент,

Саратовская государственная юридическая академия,
РФ, г. Саратов

Плотникова Юлия Анатольевна

канд. юрид. наук, доц., доц. кафедры

земельного и экологического права,

Саратовская государственная юридическая академия,
РФ, г. Саратов

Обострение глобального экологического кризиса делает актуальным изучение экологической функции государства и необходимость нового подхода к взаимодействию общества и природы.

Как справедливо отмечает профессор М.И. Байтин, функции государства не только выражают его сущность, но и эволюционируют под влиянием объективных потребностей общества, что в полной мере относится к экологической функции, вызванной к жизни обострением противоречий между экономикой и природой [1]. В данном контексте государство, обладая признаками основного субъекта публичной власти, концентрирует уникальные компетенции и ресурсы, позволяющие инициировать и координировать масштабную деятельность, направленную на обеспечение экологической безопасности и сохранение природных систем. Более того, в Российской Федерации данная обязанность имеет конституционный характер, вытекающий из ст. 42 Конституции РФ [2], гарантирующей каждому право на благоприятную окружающую среду.

Под экологической функцией понимается основное направление деятельности государства, выражающее его социальную сущность и направленное на обеспечение научно обоснованного соотношения экологических и экономических интересов общества [3]. Иными словами, это не просто одно из многих направлений работы, а системообразующая деятельность, без которой невозможно достойное существование нынешнего и будущих поколений.

Содержание экологической функции принято структурировать на две взаимосвязанные подфункции: природоохранную и природоресурсную [4]. Природоохранная деятельность нацелена непосредственно на сохранение, восстановление и улучшение качества окружающей среды, а природоресурсная – на обеспечение рационального использования отдельных видов природных ресурсов: земли, недр, вод, лесов, животного мира.

Эффективная реализация экологической функции государства основывается на ряде фундаментальных принципов, среди которых ключевыми являются принцип «загрязнитель платит» и принцип справедливого распределения экологической ответственности между государством и частным сектором. Эти принципы призваны обеспечить не только ликвидацию последствий, но и предупреждение нового ущерба.

Однако реализация экологической функции сталкивается с проблемами, которые ставят под сомнение универсальность этих принципов. В частности, особую сложность представляет проблема накопленного экологического ущерба, унаследованного от прошлых эпох индустриализации. Яркими примерами служат территории, пострадавшие от деятельности промышленных гигантов. Так, авария на Норильской ТЭЦ-3 в 2020 году, приведшая к разливу более 20 тысяч тонн дизельного топлива, стала напоминанием о накопленных проблемах изношенной

инфраструктуры и наследии советской промышленности [5]. Ущерб водным объектам оценили в 148 млрд рублей, а ликвидация потребовала беспрецедентной координации бизнеса и государства. Еще один пример – «Черная коса» в Красноярском крае, где десятилетиями складировались отходы алюминиевого производства, приведшие к сильному загрязнению.

Решение таких проблем сдерживают три ключевых фактора: недостаток данных о реальных масштабах ущерба, неопределенность в распределении ответственности между государством и бизнесом и отсутствие работающих финансовых механизмов для реабилитации территорий. Возложение всей ответственности исключительно на бизнес экономически не всегда оправданно и может усиливать социальную напряженность.

Для преодоления существующих проблем необходим комплекс последовательных мер. Важным шагом является реформирование системы налогообложения в сторону стимулирования внедрения экологически чистых технологий, например, через введение платежей за загрязнение и отказ от неэффективных субсидий.

Значительный потенциал имеет политика «зеленых» государственных закупок, поощряющая производство и потребление экологичной продукции. Не менее важным направлением является направление государственных инвестиций в «зеленую» инфраструктуру, включая возобновляемую энергетику и энергоэффективное строительство, а также целевая поддержка научных исследований в области экотехнологий. Успешной практикой в этом направлении можно считать реализацию федерального проекта «Чистый воздух» в рамках национального проекта «Экология», в результате которого, по данным Росприроднадзора, к 2024 году выбросы загрязняющих веществ в 12 промышленных центрах, включая Череповец и Нижний Тагил, должны сократиться на 20% и более [6].

Наконец, учитывая трансграничный характер многих экологических проблем, необходимо укрепление международного сотрудничества, включая совместные программы по ликвидации накопленного ущерба и обмену наилучшими доступными технологиями.

Подводя итог, можно констатировать, что экологическая функция государства представляет собой сложный, многогранный и динамично развивающийся институт. Она пронизывает все сферы государственной деятельности и является неотъемлемым условием устойчивого развития и обеспечения национальной безопасности.

Список литературы:

1. Байтин М.И. Функции государства // Общая теория государства и права. Академический курс: в 3 т. / отв. ред. М.Н. Марченко. – М.: Зерцало, 2002.- С. 336-353.
2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 1 июля 2020 г.; с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ, от 4 октября 2022 г. № 8-ФКЗ)) // Рос. газ. – 1993. – 25 дек.; 2022. – 6 окт
3. Кукушкина А.В. Экологическая функция государства // Вестник Томского государственного университета. Право. – 2023. – № 50. – С. 76–88.
4. Калинина Н. В. Теоретико-правовые аспекты понимания экологической функции государства // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2009. №17. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-pravovye-aspekyt-ponimaniya-ekologicheskoy-funktsii-gosudarstva> (дата обращения: 15.11.2025).
5. Коновалова, В. М. Норильский разлив / В. М. Коновалова. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2020. – № 46 (336). – С. 71-72. – URL: <https://moluch.ru/archive/336/75202>.
6. Чистый воздух: как улучшается экология в промышленных городах // РБК URL: <https://www.rbc.ru/economics/28/05/2024/664f479d9a794760cbac21c2> (дата обращения: 10.11.2025).

ОБЗОР АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ, СВЯЗАННЫХ С ЗАЩИТОЙ НАСЛЕДСТВЕННЫХ ПРАВ

Ларюшин Максим Николаевич

магистрант,

Автономная некоммерческая организация

Высшего Образования Институт деловой карьеры,

РФ, г. Тюмень

Аннотация. В настоящей статье автор провел обзор некоторых научных источников за последний год и определил наиболее острые проблемы, связанные с защитой наследственных прав. Также, автором вынесены предложения по решению обнаруженных в ходе исследования проблем.

Ключевые слова: наследственный договор, завещание, несовершеннолетние наследники, пропуск сроков принятия наследства.

Каждый период развития наследственного права в российском государстве отличался своими особенностями, и несмотря на то, что завещательная свобода постепенно расширялась с принятием новых нормативных правовых актов, а в наши дни, можно утверждать, что она достигла своего пика, это не исключает наличия коллизий и пробелов в законодательстве, которые прямо или косвенно влияют на практический аспект защиты наследственных прав.

С 2018 года к основаниям наследования, согласно ст. 1111 ГК РФ, следует относить: наследование по завещанию; наследование по наследственному договору; наследование по закону.

Наследование по наследственному договору является относительно новым основанием наследования, которое было введено для расширения возможностей наследственного планирования. Усматриваются некоторые положительные черты такого нововведения, например:

- индивидуализация условий (обязательств);
- снижение рисков споров (в силу заключения договора с согласия всех сторон);
- наличие гарантий исполнения воли наследодателя (как при жизни, так и после смерти);
- защита интересов третьих лиц (не являющихся наследниками).

Тем не менее, в противовес указанным выше плюсам наследственного договора в научном сообществе выносятся на обсуждение вопросы и о минусах такого основания наследования. Например, И.Н. Кроча [4, с. 43] отмечает, что споры вызывают интерпретации условий наследственного договора и исполнения обязательств, которые в нем указаны. Автор обращает внимание на то, что ощущается острая нехватка в изменении гражданского законодательства в части: 1. внедрения более четких механизмов регулирования обязательной доли в наследстве; 2. правил заключения нескольких наследственных договоров; 3. процедур расторжения наследственных договоров в одностороннем порядке.

Отчасти следует согласиться с автором, однако, он не предлагает конкретных норм, которые следовало бы внести в действующее гражданское законодательство в целях решения вышеуказанных проблем. Более конкретизированными можно назвать предложения по совершенствованию норм, регулирующих наследственный договор, Л.И. Поповой [8, с. 185], которая отмечает следующее:

- существует необходимость в распространении действия ст. 165 ГК РФ на случаи уклонения одной из сторон от нотариального удостоверения наследственного договора, что может быть реализовано посредством внесения изменений в п.7 ст. 1140.1 ГК РФ;
- важно, чтобы наследодатель информировал наследников о совершаемых сделках, связанных с имуществом, которое является предметом наследственного договора, а во исполнение данной идеи следует внести в п. 13 ст. 1140.1 ГК РФ такого рода положение.

Тем не менее, и такое популярное основание наследования, как по завещанию, не лишено недостатков. Е.С. Курда [5, с. 109] обращает внимание, что существует острая необходимость в наделении нотариуса полномочиями по совершению запросов информации из медицинских учреждений, которая могла бы как подтвердить, так и опровергнуть способность наследодателя понимать свои действия и управлять ими, так как одной из причин отмены завещания крайне часто является неспособность завещателя в момент составления завещания осознавать свои действия.

Также автор отмечает, что можно усмотреть проблемы, связанные с реализацией совместного завещания. В частности, после смерти супруга переживший его второй супруг с легкостью может отменить завещание, что говорит о неисполнении последней воли усопшего и вероятном злоупотреблении правами вторым супругом. Следует особенно выделить и поддержать предложение автора о введении нормы, согласно которой все имущество переходило бы оставшемуся в живых супругу без возможности перехода, но с условием выделения обязательной доли для определенной группы лиц.

Не следует оставлять без внимания еще одну идею автора относительно реализации императивной нормы ч. 4 ст. 1126 ГК РФ, согласно которой нотариус должен вскрыть конверт с закрытым завещанием и немедленно огласить его содержание. Тем не менее, на практике может возникнуть проблема, когда документ может быть составлен на иностранном языке. В таком случае автор предлагает несколько путей решений:

1. законодательное закрепление приостановления и возобновления такой процедуры;
2. разработка требований к завещаниям (в ч. 2 ст. 1126 ГК РФ), согласно которым такие документы составлялись бы исключительно на государственном языке или языке субъекта.

Также особого внимания заслуживают проблемы, связанные с защитой прав несовершеннолетних при принятии наследства. Следует согласиться с мнением А.Ю. Матвеевой и К.Б. Кораева, которые справедливо отмечают, что индивидуальный подход недопустим при восстановлении сроков принятия несовершеннолетним наследства, так как ребенок может находиться под влиянием окружающих его людей, не зная основ наследственного права либо быть заведомо обманутым родственниками относительно своих наследственных прав, что непосредственно повлияет на пропуск им сроков. Поэтому авторы предлагают внести в ст. 1555 ГК РФ, а именно включить в нее п. 4, согласно которому бы «по заявлению наследника, пропустившего срок, установленный для принятия наследства (статья 1154), в случае если к моменту открытия наследства такой наследник не достиг совершеннолетия, и с момента достижения совершеннолетия прошло не более шести месяцев, суд обязан восстановить срок для принятия наследства и признать наследника принявшим наследство» [7, с. 130].

Также авторы предлагают для отстающих в психическом развитии (не связанном с психическим расстройством) уже совершеннолетних лиц восстанавливать срок с учетом их отставания в развитии, однако, здесь может возникнуть сложность относительно установления времени пребывания в таком состоянии.

В свою очередь, Н.В. Ростовцева в целях недопущения бездействия со стороны законного представителя несовершеннолетнего наследника предлагает закрепить в ГК РФ презумпцию, которая подразумевается в п. 4 ст. 1157 ГК РФ: «отсутствие у нотариуса на день истечения срока для принятия наследства заявления несовершеннолетнего наследника (или его законного представителя) об отказе от наследства, одобренного органом опеки и попечительства, презюмирует принятие наследства несовершеннолетним наследником» [9, с. 108]. Но также автор указывает, что есть необходимость в предусмотрении возможности восстановления срока для отказа от наследства по истечении срока, который установлен для его принятия (например, в случае обнаружения больших долгов), что вполне целесообразно при защите наследственных прав несовершеннолетних лиц.

Вопрос о правовом регулировании пропуска сроков для принятия наследства в том числе поднимался А.Ю. Матвеевой и К.Б. Кораевым [6, с. 57], которые считают, что указанную причину пропуска в п. 40 Постановления Пленума ВС РФ от 29.05.2012 г. № 9 «отсутствие информированности о составе имущества, которое может войти в наследственную массу» [3],

не следует считать неуважительной, объясняя это возможным отсутствием экономического смысла, с чем невозможно поспорить, поэтому есть основания для пересмотра вышеуказанного положения.

Делая вывод по проведенному исследованию, необходимо отметить, что за последний год в научном сообществе обсуждается немалое количество проблем, связанных с защитой наследственных прав, среди которых:

- правовое регулирование наследственного договора, в частности, это касается в нераспространении ст. 165 ГК РФ на случаи уклонения одной из сторон от нотариального удостоверения наследственного договора и неинформировании наследодателем наследников о проводимых сделках с имуществом, включенным в такой договор;
- правовое регулирование завещания, а именно: 1. невозможность нотариусом совершения запросов информации из медицинских учреждений, которая могла бы как подтвердить, так и опровергнуть способность наследодателя понимать свои действия и управлять ими; 2. неограниченное право второго супруга на отмену совместного завещания (после смерти другого супруга); 3. невозможность исполнения ч. 4 ст. 1126 ГК РФ при нахождении в закрытом завещании иноязычных документов;
- правовое регулирование сроков принятия наследства несовершеннолетними и их отказа от наследства;
- нелогичное основание отнесения причины пропуска сроков принятия наследства «отсутствие информированности о составе имущества, которое может войти в наследственную массу» к уважительным.

Следует указать, что в настоящем исследовании были рассмотрены возможные пути решений, названных выше проблем, однако, следует признать, что часть из них еще требует доработок. В частности, необходимо разработать конкретные нормы и определить их место в действующем гражданском законодательстве, убедиться, что не будет замечено после их введения в действие противоречий с иными положениями ГК РФ.

Список литературы:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ по сост. на 31.07.2025 // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. ст. 3301.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ по сост. на 08.08.2024 // Собрание законодательства РФ. 2001. № 49. ст. 4552.
3. О судебной практике по делам о наследовании: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 по сост. на 24.12.2020 // Бюллетень ВС РФ. июль 2012. № 7.
4. Кроча И.Н. Наследственный договор в российском гражданском праве // CETERIS PARI-BUS. 2025. №1. с. 43-47.
5. Курда Е.С. Актуальные направления совершенствования правового регулирования института наследования по закону и по завещанию // Вестник магистратуры. 2025. №2-2 (161). С. 108-111.
6. Матвеева А. Ю., Кораев К.Б. Определение уважительного характера причин пропуска срока для принятия наследства в гражданском процессе // Вестник магистратуры. 2025. №6-1 (165). С. 55-57.
7. Матвеева А.Ю., Кораев К.Б. Проблемы защиты наследственных прав несовершеннолетнего наследника в гражданском процессе // Вестник магистратуры. 2025. №5-4 (164). С. 130-132.
8. Попова Л.И. Актуальные проблемы наследственного договора // Вестник экономики и права. 2024. №95. С. 184-192.
9. Ростовцева Н.В. Фактическое принятие наследства несовершеннолетним наследником: реализация и правовые последствия // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2025. №3. С. 107-132.

ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ (ПОРЯДОК) ВЫПОЛНЕНИЯ УДАЛЁННОЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ НАДПИСИ НОТАРИУСА ПО РОССИЙСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

Парфенова Алена Андреевна

магистрант,

Государственный университет «Дубна»,

РФ, г. Дубна

Глушков Александр Иванович

научный руководитель,

д-р юрид. наук, проф.,

Государственный университет «Дубна»,

РФ, г. Дубна

THE LEGAL MECHANISM (PROCEDURE) FOR PERFORMING A REMOTE NOTARIAL ENFORCEMENT INSCRIPTION UNDER RUSSIAN LAW

Parfenova Alena Andreevna

Master's student,

State University "Dubna"

Russia, Dubna

Glushkov Alexander Ivanovich

Scientific supervisor,

Doctor of Law sciences, prof.,

State University "Dubna"

Russia, Dubna

Аннотация. В статье исследуются правовой механизм и процедурные особенности совершения нотариусом исполнительной надписи в удалённом формате в соответствии с действующим российским законодательством. Цель работы заключается в комплексном анализе нормативной базы, включая Основы законодательства РФ о нотариате, Гражданский кодекс РФ, Федеральный закон № 360-ФЗ, а также подзаконные акты Министерства юстиции, регулирующие порядок совершения нотариальных действий дистанционно. Методологическую основу исследования составили формально-юридический, системный и сравнительно-правовой методы. В работе выявлены проблемные аспекты, связанные с проверкой бесспорности требований, применением сроков уведомления должника и сроков добровольного исполнения обязательства, а также с определением суммы задолженности, подлежащей взысканию в порядке исполнительной надписи. На основе анализа современной судебной практики 2025 года показано наличие противоречий в подходах судов к вопросам исчисления сроков и допустимости размера взыскиваемой суммы. Научная новизна исследования заключается в формулировании предложений по совершенствованию правового регулирования, включая корректировку ст. 91.1 и 92 Основ законодательства РФ о нотариате с целью устранения правовой неопределенности и усиления гарантий защиты прав должников. Полученные результаты могут быть использованы в правоприменительной деятельности нотариусов, судебных органов и финансовых организаций.

Abstract. The article examines the legal mechanism and procedural specifics of performing a notarial enforcement inscription in a remote format under current Russian legislation. The purpose of the study is to conduct a comprehensive analysis of the regulatory framework, including the Fundamentals of the Legislation of the Russian Federation on Notaries, the Civil Code of the Russian Federation, Federal Law No. 360-FZ, and subordinate acts issued by the Ministry of Justice governing

remote notarial procedures. The methodological basis of the research relies on formal legal, systemic, and comparative legal methods. The study identifies problematic aspects related to verifying the indisputability of claims, applying statutory time limits for notifying the debtor and for voluntary fulfillment of obligations, and determining the amount of debt recoverable through a notarial enforcement inscription. An analysis of recent judicial practice from 2025 reveals inconsistencies in court approaches to calculating time limits and assessing acceptable claim amounts. The scientific novelty of the study lies in proposing improvements to the legal regulation, including amendments to Articles 91.1 and 92 of the Fundamentals of Notarial Legislation, aimed at eliminating legal uncertainty and strengthening debtor protection guarantees. The findings may be applied in the practical work of notaries, courts, and financial institutions.

Ключевые слова: нотариат, исполнительная надпись, удалённое нотариальное действие, взыскание задолженности, бесспорность требований, потребительский кредит, правовое регулирование, уведомление должника, добровольное исполнение обязательств, сроки исполнения

Keywords: notariat, executive inscription, remote notarial action, debt collection, indisputability of claims, consumer credit, legal regulation.

Федеральным законом от 03.07.2016 N 360-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" [9] было расширен перечень документов, по которым взыскания задолженности производится в бесспорном порядке на основании исполнительных надписей.

Одним из таких документов стал – кредитный договор, за исключением договоров, кредитором по которым выступает микрофинансовая организация, при наличии в указанном договоре или дополнительных соглашениях к нему условия о возможности взыскания задолженности по исполнительной надписи нотариуса.

Ниже представлена таблица по совершенным исполнительным надписям с 2016 по 2024 гг [4].

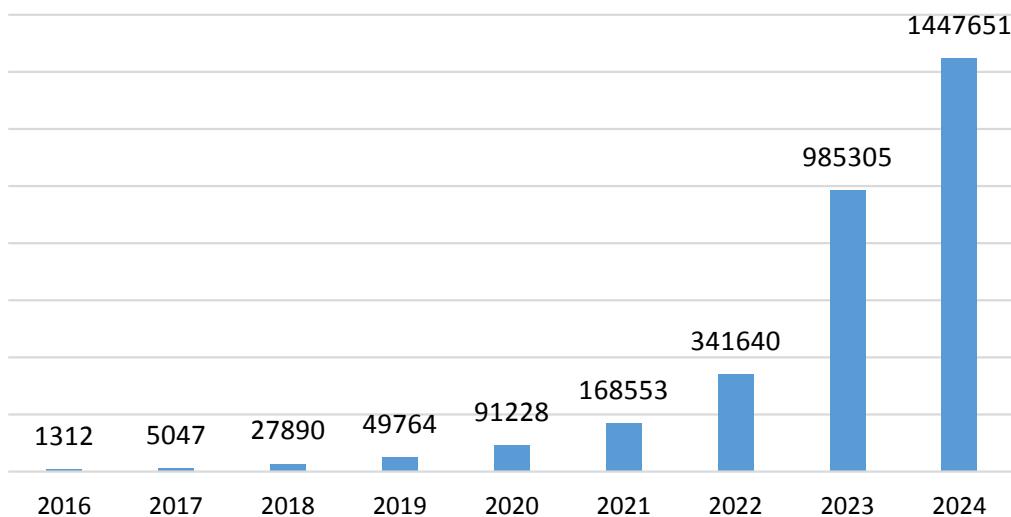

Рисунок 1. Данные

При совершении исполнительной надписи нотариус руководствуется нормами Основ законодательства Российской Федерации о нотариате [5], Регламентом совершения нотариальных действий [8] и другими НПА.

Так при поступлении заявления о совершении исполнительной надписи удаленно, нотариусу, заявившему в автоматическом режиме о готовности совершить соответствующее нотариальное действие удаленно и приложенные к нему документы у заявителя есть пять рабочих дней на его оплату.

После оплаты нотариус начинает производит идентификацию заявителя, проверку документов.

При совершении исполнительной надписи нотариус не вправе проверять: законность кредитного договора на предмет его подписания конкретным лицом (должником); личность должника и его волеизъявление; иные факты и обстоятельства, являющиеся существенными при заключении договора; исполнение заключенного договора; историю просроченной задолженности; сумму просроченной задолженности, которая рассчитывается заемодавцем самостоятельно.

В случае совершения исполнительной надписи удаленно, нотариус проверяет возможность по представленному договору совершения исполнительной надписи, так в статье 90 Основ представлен закрытый перечень договоров, по которым возможно взыскание по исполнительной надписи удаленно.

Условие бесспорности требований взыскателя к должнику нотариусом проверяется на основании представленных документов, а также что со дня, когда обязательство должно было быть исполнено, прошло не более чем два года.

При совершении исполнительной надписи удаленно есть как минимум два вида сроков, которые нотариус должен учитывать и правильно исчислять при совершении исполнительной надписи удаленно.

Такими сроками, по действующему законодательству являются:

- срок уведомления взыскателем должника о наличии задолженности (не менее 14 дней с момента направления до обращения к нотариусу);
- срок добровольного исполнения должником своей обязанности по уплате задолженности взыскателю (для договоров потребительского кредита не менее 30 дней с момента направления).

Возникает вопрос о правильном исчислении сроков и обязанности нотариусов их исчисления. Сроки, указанные в Основах бесспорно должны исчисляться нотариусами, но должны ли нотариусом учитываться сроки добровольного исполнения должников обязанности по погашению образовавшейся задолженности?

В настоящее время, согласно судебной практике, нотариусы должны учитывать данные сроки.

Например, в Определении Тверского областного суда от 29.04.2025 по делу № 33-1815/2025 [2], суд указал, что срок для добровольного исполнения своего обязательства (далее – срок) у должника начинает течь с момента возврата письма кредитору, так как в уведомлении о наличии задолженности срок у должника начинает течь с момента вручения. Должник письмо не получил, в связи с чем оно было возвращено отправителю по истечению срока хранения, в период хранения письма (уведомления о наличии задолженности) должник мог обратиться за его получением, поэтому 30-ти дневный срок для добровольного исполнения должником своих обязательств по кредитному договору следует исчислять с момента возврата письма кредитору, и в таком случае направление взыскателем должнику уведомления о наличии задолженности, не менее чем за четырнадцать дней до обращения к нотариусу за совершением исполнительной надписи, **правового значения не имеет**.

В Апелляционном определении Тверского областного суда от 06 февраля 2025 года по делу № 33-621/2025 [1], суд также рассуждал о сроках добровольного исполнения обязательств должником, но срок указанный в Основах не отмечал, а указал, что наличие спора о возникновении и размере задолженности между взыскателем и должником является основанием к отказу в совершении исполнительной надписи нотариусом и для отмены совершенного нотариального действия при выявлении обстоятельств, свидетельствующих о несогласии

должника с предъявленной задолженностью, т.е. о нарушении принципа бесспорности требований, в отношении которых может быть совершена исполнительная надпись.

Задача взыскания задолженностей по кредитным договорам с помощью исполнительной надписи упростить решения конфликта между кредитором и должником, ускорить этот процесс, а также разгрузить судебную систему от подобных споров.

Также, в настоящее время набирает популярность система получения писем в электронной форме.

Так сервис электронных заказных писем (ЭЗП) позволяет отказаться от получения бумажных уведомлений от государственных органов и коммерческих организаций и взамен начать получать, и отправлять простые и заказные письма в электронном виде, сохраняя юридическую значимость сообщений [7].

В таких случаях письма доходят до адресатов в кратчайшие сроки, по практике 1-2 дня, при этом получается, что даже если срок для добровольного исполнения обязательств начинает течь с момента направления, срок для обращения к нотариусу за совершение исполнительной надписи наступает ранее, чем закончится срок для добровольного исполнения обязательства.

В связи с этим предлагается ввести отдельный пункт об исчислении сроков нотариусами при совершении исполнительной надписи.

В статью 91.1 Основ законодательства Российской Федерации внести следующий пункт:

Нотариус совершает исполнительную надпись о взыскании задолженности по кредитным договорам, при условии окончания срока для добровольного исполнения заемщиком обязательств по возврату кредита, указанного в уведомлении о наличии задолженности, но не менее чем 14 дней с момента доставки уведомления о наличии задолженности.

Этот пункт включает в себя все необходимые сроки, на которые нужно обращать внимание нотариусам при совершении исполнительных надписей.

Также в последнее время появляются решения судов, в которых оспаривается сумма взыскиваемая по исполнительным надписям нотариуса.

Согласно действующему законодательству, а именно пункту 3 статье 809 Гражданского кодекса Российской Федерации [3] при отсутствии иного соглашения проценты за пользование займом **выплачиваются ежемесячно до дня возврата займа включительно**.

Так в Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 25.03.2025 по делу № 88-4328/2025 [6], указано, что нотариусом **совершена исполнительная надпись** в пользу банка о взыскании с должника неуплаченной задолженности по кредитному договору **за иной период и в большой сумме, чем было указано банком в уведомлении** должника о досрочном возврате суммы кредита, процентов за пользование кредитом, уплате неустойки и расторжении договора.

Как указал суд аппеляционной инстанции по данному делу: Само по себе согласование сторонами в кредитном договоре условия о возможности взыскания задолженности по исполнительной надписи нотариуса свидетельствует о возможности воспользоваться данным механизмом в порядке, установленном законом, и с соблюдением установленных им условий, что, безусловно, не презумирует, что любая заявленная в рамках таких договорных отношений задолженность носит бесспорный характер.

Таким образом, предлагаю внести в статью 92, пункт 7 следующие изменения:

сведения о подлежащем истребованию имуществе и его идентифицирующих признаках или сумму, подлежащую взысканию, в том числе сумму неустойки (за исключением суммы неустойки по кредитным договорам), процентов в случае, если их начисление предусмотрено договором, **сумма которых не может превышать указанных в уведомлении о наличии задолженности, направленном взыскателем до обращения к нотариусу за совершением исполнительной надписи**, а также сумму расходов, понесенных взыскателем в связи с совершением исполнительной надписи. Данное уточнение определяет точность суммы процентов, которые можно взыскать по исполнительной надписи нотариуса, что защищает права должников.

Список литературы:

1. Апелляционное определение Тверского областного суда от 06 февраля 2025 г. по делу № 2-59/2025 (№ 33-621/2025) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://oblsud-twr.sudrf.ru/> (дата обращения: 29.10.2025).
2. Апелляционное определение Тверского областного суда от 29 апреля 2025 г. по делу № 2-59/2025 (№ 33-1815/2025) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://oblsud-twr.sudrf.ru/> (дата обращения: 29.10.2025).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5. – Ст. 410.
4. Министерство юстиции Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minjust.gov.ru/> (дата обращения: 21.10.2025).
5. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате: утв. ВС РФ 11.02.1993 № 4462-И // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. – 1993. – № 10. – Ст. 357.
6. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 25.03.2025 по делу № 88-4328/2025 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://2kas.sudrf.ru/> (дата обращения: 02.11.2025).
7. Почта России. Помощь по заказным отправлениям [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zakaznoe.pochta.ru/help> (дата обращения: 17.11.2025).
8. Приказ Министерства юстиции РФ от 30.08.2017 № 156 «Об утверждении Регламента совершения нотариусами нотариальных действий...» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://minjust.gov.ru/> (дата обращения: 21.10.2025).
9. Федеральный закон от 03.07.2016 № 360-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2016. – № 27. – Ст. 4242.

ОПТИМИЗАЦИЯ ПРОЦЕДУРЫ ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРОВ АРЕНДЫ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ, НАХОДЯЩИХСЯ В ФЕДЕРАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ, В ЦЕЛЯХ СТРОИТЕЛЬСТВА ОБЪЕКТОВ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА ОБЩЕГО ПОЛЬЗОВАНИЯ

Пимонова Анастасия Андреевна

студент,
ФГБОУ ВО Государственный университет
по землеустройству,
РФ, г. Москва

Кожокарь Игорь Петрович

научный руководитель,
ФГБОУ ВО Государственный университет
по землеустройству,
РФ, г. Москва

Аннотация. В данной статье рассматриваются актуальные вопросы, связанные с предоставлением в аренду земельных участков, находящихся в федеральной собственности, для реализации проектов транспортной инфраструктуры, производится анализ различных действующих на данный момент правовых механизмов, выявляются ключевые проблемы административных процедур, а также предлагаются направления их оптимизации с целью повышения эффективности реализации инфраструктурных проектов.

Abstract. This article discusses current issues related to the lease of federal-owned land plots for railway construction projects, analyzes various existing legal mechanisms, identifies key problems in administrative procedures, and suggests ways to optimize them in order to improve the efficiency of infrastructure projects.

Ключевые слова: аренда земельных участков, федеральная собственность, строительство объектов транспортной инфраструктуры, правовое регулирование, оптимизация процедур.

Keywords: land lease, federal ownership, railway construction, legal regulation, and procedure optimization.

Развитие инфраструктуры железнодорожного транспорта является стратегическим направлением социально-экономического развития Российской Федерации. Эффективное использование земельных ресурсов под объекты железнодорожного транспорта напрямую влияет на сроки и экономическую эффективность реализации инвестиционных проектов. Одним из ключевых факторов, определяющих темпы строительства, выступает процедура предоставления в аренду земельных участков, находящихся в федеральной собственности. Несмотря на наличие нормативно закреплённых процедур, процесс аренды нередко сопровождается избыточной бюрократизацией, длительными согласованиями и коллизиями в применении земельного и градостроительного законодательства.

Говоря о нормативно-правовой базе предоставления земель федеральной собственности, стоит отметить, что правовое регулирование аренды земель федеральной собственности осуществляется в соответствии с Земельным кодексом Российской Федерации, Федеральным законом «Об обороте земель», Федеральным законом «О естественных монополиях», Постановлением Правительства РФ от 16.07.2009 № 582 «О порядке предоставления земельных участков, находящихся в федеральной собственности», а также рядом ведомственных нормативных актов. Согласно статье 39.6 Земельного кодекса РФ, договор аренды земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, заключается на торгах, проводимых в форме аукциона, за исключением случаев, предусмотренных пунктом 2 настоящей статьи, а также договор аренды земельного участка, находящегося в государственной или

муниципальной собственности, заключается без проведения торгов в случаях, представленных в данной статье Земельного кодекса РФ.

Существует несколько основных проблем действующих процедур. Как показывает практика, некоторые существующие административные процедуры предоставления земель под строительство объектов железнодорожного транспорта сталкиваются с рядом проблем системы. Рассмотрим каждую проблему более детально:

1. *Длительность согласований.* Процедуры получения согласований, разрешений и необходимых подписей занимают очень долгое время. В связи с этим происходит замедление реализации проектов, увеличиваются риски и затраты. Причины можно выделить следующие: обработка документов вручную, множественные этапы согласования на разных этапах и в разных ведомствах, отсутствия четких регламентов по срокам, повторный запрос информации и документации, а также кадровая нехватка.

2. *Несогласованность межведомственного взаимодействия.* Вовлеченные в процесс ведомства используют разные реестры и формы, действуют согласно своим правилам. Причины: разные информационные системы и реестры, конкурирующие полномочия, различия требований в критериях оценивания. Это приводит к повторным проверкам, противоречивым решениям и увеличению сроков и трат.

3. *Неясность статуса земельных участков.* Не всегда очевидно, фиксирован ли правовой статус земельного участка. Неясно, кому принадлежит земля, и есть ли ограничения (залог, охранные зоны и т.д.). Таким образом, появляется юридическая неопределенность. Причинами могут быть устаревшие кадастровые данные, а также отсутствие единого реестра прав и ограничений и противоречия между местными нормативными актами и федеральными законами.

4. *Отсутствие единых цифровых стандартов.* Разные организации используют несовместимые форматы данных и процедуры, что мешает автоматизации и обмену информацией, а в дальнейшем и увеличивает сроки принятия решения. Это могут быть уже исторические сложившиеся системы, которые не подверглись обновлениям. Также можно выделить следующие причины: разное качество цифровизации у ведомств и муниципалитетов, безопасность данных и отсутствие отраслевых стандартов.

Исходя из описанных выше проблем, рассмотрим направления оптимизации процедуры предоставления в аренду земельных участков, находящихся в федеральной собственности.

Для повышения эффективности предоставления земельных участков под строительство объектов железнодорожного транспорта целесообразно реализовать следующие меры:

1. *Цифровизация процессов и упрощение регламента подачи заявки.*

Следует создать или улучшить единый электронный портал, через который подаются вся заявки на аренду, отслеживаются все заявления. Также электронные сервисы могут предложить предзаполненные формы и автоматическую валидацию документов, а также подсказки по отсутствующим документам.

2. *Унификация и стандартизация документации.*

Перечень минимального набора необходимых документов (например, план участка, проектная документация, техническое задание, оценка ущерба при воздействии на окружающую среду, финансовая поддержка), а также шаблоны договоров аренды и условия реализации.

3. *Цифровое согласование.*

Распределение всех этапов согласования происходит электронно с рассылкой по ведомствам, автоматические уведомления и дедлайны, обработка проверок. Здесь стоит также упомянуть автоматическую проверку зон ограничений (охранная зона инфраструктуры и т.д.), а также интеграцию с кадастром и картами инженерных сетей.

4. *Гибкие правовые механизмы.*

Возможность заключения предварительных соглашений, а также поэтапные права (подготовка территории, ввод в эксплуатацию, аренда земли).

5. *Экономические стимулы и риски.*

Согласование тарифов и информирование о льготных тарифах на ранних стадиях проекта при соблюдении установленных сроков, а также банковские гарантии и страхование для снижения рисков со стороны арендатора.

6. Мониторинг исполнения обязательств и обратная связь.

Здесь стоит упомянуть о публичном и едином реестре статусов заявок, регулярном сборе отзывов от заявителей для оценки уровня удовлетворенности, а также KPI (Key Performance Indicator – ключевые показатели эффективности) для ведомственных подразделений. Это время ответа на вопрос или заявление, процент возврата на уточнение информации и доработку и т.д.

7. Методическая поддержка.

Для постоянного совершенствования рабочих процессов следует реализовать офлайн-или онлайн-курсы для сотрудников по новым стандартам, а также обеспечить методической помощью всех муниципалитетов и ведомств.

Как пример оптимизации можно представить следующее:

1. Месяцы 0-3 – подготовительный этап (формирование рабочей группы, анализ текущих процессов).

2. Месяцы 4-8 – работа единой цифровой платформы (запуск единого портала с перечнем и шаблонами документов, прием заявлений).

3. Месяцы 9-14 – межведомственная интеграция (мониторинг).

4. Месяцы 15-25 – масштабирование (стандарты и автоматизация).

5. Месяцы 24 и далее – улучшение работы системы.

В странах ЕС и Китае широко применяются интегрированные инфраструктурные платформы, объединяющие кадастровые, экологические и строительные процедуры в единую цифровую систему. Например, технология платформы **ESRI** выбрана в качестве базовой основы многими европейскими НККА. В то же время следует отметить, что в разных странах Европы системы земельного кадастра и регистрации земельных участков имеют свою специфику, отражая различия в истории, культуре, основах законодательства и организационных моделях. Литовский государственный регистрационный центр (SECR) отвечает за национальный кадастр и реестр недвижимого имущества, адресный реестр и реестр юридических лиц в стране. **Lantmäteriet** – уполномоченная организация, оказывающая кадастровые услуги в Швеции. В ее ведении находится информация о 3,2 млн. объектов недвижимости. Шведская кадастровая система высоко котируется во всем мире за эффективную нормативную базу и администрирование. Национальная кадастровая система Бельгии находится в ведении Департамента регистрации родового имущества (**Patrimony Documentation Department**), входящего в Федеральную государственную финансовую службу (FPS). Она содержит информацию о 9,4 миллионах земельных участков и 1 миллионе зарегистрированных кондоминиумных единиц.

Применение аналогичных механизмов в России возможно в рамках развития Государственной информационной системы земельно-имущественных отношений (ГИС ЗИО) и интеграции её с сервисами Госуслуг и Росреестра.

Таким образом, оптимизация процедуры предоставления в аренду земельных участков, находящихся в федеральной собственности, в целях строительства объектов железнодорожного транспорта является необходимым условием эффективного развития транспортной инфраструктуры Российской Федерации.

Для реализации требуется комплексный подход, который включает в себя цифровизацию административных процедур, унификацию регламентов и стандартов, развитие взаимодействия между ведомствами, а также создание «прозрачных» механизмов аренды земель с установленными сроками, тарифами и документацией.

Таким образом, переход к цифровым процедурам является необходимым условием для повышения эффективности использования земельных ресурсов и укрепления инвестиционной привлекательности.

Список литературы:

1. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ (ред. от 04.08.2023).
2. Федеральный закон от 17.08.1995 № 147-ФЗ «О естественных монополиях».
3. Постановление Правительства РФ от 16.07.2009 № 582 «О порядке предоставления земельных участков, находящихся в федеральной собственности».
4. Официальный сайт Федерального агентства железнодорожного транспорта (Росжелдор).
5. Материалы Министерства экономического развития РФ по вопросам цифровизации земельно-имущественных отношений, 2023 г.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ АНАЛИЗА ДАННЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ ДЛЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ И ТЕРРОРИЗМУ

Пиронзода Сафарали Умарали

слушатель,
Академия управления МВД России,
РФ, г. Москва

MODERN TECHNOLOGIES FOR ANALYZING SOCIAL MEDIA DATA TO COUNTER EXTREMISM AND TERRORISM

Pironzoda Safarali Umarali

Listener,
Academy of Management of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Russia, Moscow

Аннотация. Настоящая статья посвящена обзору и анализу современных технологий, применяемых для обработки и интерпретации больших объемов данных, генерируемых в социальных сетях, с целью раннего выявления, мониторинга и противодействия экстремистской и террористической деятельности. Рассматриваются ключевые методы машинного обучения, анализа графов, обработки естественного языка и визуализации данных, которые используются для идентификации угроз, картирования сетей радикализации и прогнозирования потенциально опасного поведения. Особое внимание уделяется этическим аспектам и проблемам конфиденциальности при использовании этих технологий в контексте обеспечения национальной безопасности.

Abstract. This article reviews and analyzes modern technologies used to process and interpret large volumes of data generated on social media for the early detection, monitoring, and countering of extremist and terrorist activity. Key methods of machine learning, graph analysis, natural language processing, and data visualization used to identify threats, map radicalization networks, and predict potentially dangerous behavior are discussed. Particular attention is given to the ethical and privacy aspects of using these technologies in the context of national security.

Ключевые слова: анализ социальных сетей, противодействие терроризму, машинное обучение, обработка естественного языка, анализ графов, выявление угроз, большие данные.

Keywords: Social media analysis, counter-terrorism, machine learning, natural language processing, graph analysis, threat detection, big data.

Стремительное развитие информационных технологий и повсеместное распространение социальных сетей (таких как X (ранее Twitter) (принадлежат Meta, признана экстремистской и запрещенной в России),

Facebook (принадлежат Meta, признана экстремистской и запрещенной в России), Telegram, VK и др.) радикально изменили ландшафт угроз национальной безопасности. Экстремистские и террористические организации активно используют эти платформы не только для пропаганды, вербовки новых членов и сбора средств, но и для координации своих действий, в том числе планирования атак [1, с. 30]. Скорость распространения дезинформации и радикализирующего контента в социальных сетях многократно превышает возможности традиционных методов правоохранительных органов. В ответ на эту динамику возникла острая необходимость в разработке и внедрении передовых, автоматизированных технологий анализа больших данных социальных сетей. Эти технологии призваны обеспечить проактивный подход к мониторингу, позволяя выявлять аномалии, паттерны поведения и скрытые связи, указывающие на потенциальную угрозу.

Основным источником данных для анализа являются открытые и частично закрытые API социальных платформ. Ключевыми типами данных являются текстовые сообщения, метаданные (время публикации, геолокация, тип устройства), медиафайлы (изображения, видео) и данные о взаимодействиях (репосты, лайки, комментарии). Главный вызов заключается в колоссальном объеме и разнородности (гетерогенности) этих данных. Необходимо не только эффективно собирать и хранить петабайты информации, но и справляться с «шумом» – огромным количеством нерелевантного контента. Кроме того, экстремисты постоянно меняют тактику, используя зашифрованные каналы, кодирование языка (мемы, сленг, эвфемизмы) и временные аккаунты, что требует постоянного обновления алгоритмов детекции.

Обработка естественного языка является краеугольным камнем в анализе контента социальных сетей. Первоначальные методы фокусировались на частотном анализе ключевых слов, однако современные подходы используют глубокое обучение, в частности рекуррентные нейронные сети и трансформеры (например, BERT, GPT-подобные модели), адаптированные для выявления специфического жаргона и идеологически окрашенной лексики. Данные модели позволяют проводить:

1. Автоматическое определение сообщений, содержащих призывы к насилию, пропаганду или вербовку.
2. Оценку уровня агрессии, враждебности или эмоционального вовлечения автора.
3. Идентификацию новых или развивающихся тем, связанных с радикализацией, часто до того, как они станут широко известны [2].

Особенно важным является мультимодальный анализ, сочетающий обработку естественного языка с компьютерным зрением для анализа изображений и видео, которые могут содержать символику, инструкции или зашифрованные послания.

Терроризм и экстремизм по своей сути являются сетевыми явлениями [3, с. 2498]. Анализ графов или графовый анализ позволяет моделировать социальные сети как математические структуры, где пользователи (узлы) связаны отношениями (ребрами) [4, с. 47]. Этот подход критически важен для:

1. Выявления лидеров, модераторов групп и наиболее влиятельных распространителей контента с использованием метрик центральности (например, междуузловая центральность, степень).
2. Обнаружения скрытых связей между, казалось бы, независимыми пользователями или группами.
3. Идентификации скоординированного поведения, такого как «ботофермы» или внезапное формирование кластеров вокруг новой темы.

Алгоритмы, такие как обнаружение сообществ и анализ путей, помогают понять, как информация (или дезинформация) распространяется внутри сети и как быстро происходит «зарождение» новыми идеями.

Современные системы противодействия стремятся перейти от реактивного реагирования к проактивному прогнозированию. Для этого используются продвинутые модели машинного обучения, включая ансамблевые методы и нейронные сети. Модели обучаются на исторических данных о пользователях, которые были идентифицированы как вовлеченные в экстремистскую деятельность, для выявления предиктивных индикаторов. Эти индикаторы могут включать: резкое изменение частоты публикаций, переход на более радикальный язык, начало взаимодействия с известными экстремистскими аккаунтами или изменение географической активности. Система раннего предупреждения генерирует оценки риска для отдельных пользователей или групп, позволяя правоохранительным органам сосредоточить ресурсы на наиболее вероятных угрозах.

Таким образом, технологии анализа данных социальных сетей стали незаменимым инструментом в арсенале сил, противодействующих экстремизму и терроризму. Интеграция методов обработки естественного языка, графового анализа и глубокого машинного обучения позволяет трансформировать хаотичный поток информации в структурированные данные для принятия решений. Однако эффективность этих систем напрямую зависит от их способности

адаптироваться к постоянно меняющимся тактикам злоумышленников и от способности общества решать сложные этические вопросы, связанные с массовым мониторингом. Будущее противодействия терроризму в цифровой среде лежит в развитии более точных, объяснимых (Explainable AI, XAI) и этически обоснованных систем, способных работать в условиях постоянного противоборства с теми, кто стремится использовать свободу общения для подрыва общественной безопасности. Дальнейшие исследования должны быть сосредоточены на кросс-платформенном анализе и разработке методов, минимизирующих ложные срабатывания при сохранении высокой прогностической ценности.

Список литературы:

1. Бураева Л.А. О некоторых аспектах использования социальных сетей террористическими и экстремистскими организациями // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2014. № 5(61). С. 28-32.
2. В России разработана ИТ-система, умеющая искать преступников по публикациям в Telegram. URL: <https://zoom.cnews.ru/news/item/626708> (дата обращения: 10.12.2025).
3. Михайлов А.В. Экстремистская деятельность в сети Интернет // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 35. С. 2497-2500.
4. Арипшев А.М. Экстремизм и терроризм в социальных сетях: проблемы обнаружения и противодействия // Журнал прикладных исследований. 2022. №9. С. 44-48.

PAPERS IN ENGLISH

RUBRIC

«PEDAGOGY»

CHALLENGING OF FOREIGN LANGUAGE LEARNING IN PRIMARY SCHOOL IN KAZAKHSTAN

Turarbekkyzy Karim Nurgul

Student,

*Kazakh Ablai Khan International University
of Relations and World Languages,
Kazakhstan, Almaty*

Sembayeva Zhanagul Kostanaykyzy

MS, educator,

*Kazakh Ablai Khan International University
of Relations and World Languages,
Kazakhstan, Almaty*

Abstract. As Kazakhstan seeks to boost its global presence and ability to compete internationally, teaching foreign languages has become a key focus of the country's efforts to improve education. Although English classes start in the third grade and there is a growing focus on speaking multiple languages, elementary schools still struggle with problems that hinder successful early language learning. This paper looks at the main problems that affect how well young students in Kazakhstan learn foreign languages, such as how good the teachers are, what teaching materials are available, how teaching is done, what the classrooms are like, and social and cultural influences. The study uses current education rules, classroom observations, and results from studies done in Kazakhstan and other countries. The data suggests that not enough teachers are properly trained, there are not enough modern teaching tools, classes are too big, and not everyone can easily use digital devices, which all significantly impede good teaching. Additionally, because students do not often hear or use the language outside of school, teaching focuses too much on grammar, and parents are not involved enough, students have fewer chances to truly communicate and stay interested over time. Recognizing these issues is vital for coming up with useful plans to help young language learners and make foreign language education better in Kazakhstan. This paper gives suggestions for government officials, teachers, and researchers to help build a learning atmosphere that is more helpful, fair, and focused on communication.

Key words: difficulties, learning, foreign language, primary school, Kazakhstan.

Introduction. Kazakhstan's school system has changed a lot recently, especially when it comes to helping kids learn foreign languages well from a young age. As part of the country's plan to teach people three languages, English is seen as a key way to talk to people around the world, work with other countries, and learn new things. Starting to teach English in the third grade shows that the government wants to create a generation that can speak several languages and take part in what's happening worldwide. But, even though the government really supports this idea and people want to learn

English, elementary schools all over Kazakhstan still face problems that make it hard to teach foreign languages well to young kids.

Elementary school is usually thought of as a really important time to learn languages because kids' brains are flexible, they're naturally curious, and they can learn new sounds and language rules more easily than older students. At the same time, teaching foreign languages to young kids means using special ways of teaching, having well-trained teachers, and having classrooms with good resources. In Kazakhstan, many schools – especially in the countryside and more isolated places – still have a hard time creating the kind of helpful place that kids need to learn languages well. This difference between what the government wants and what's actually happening in classrooms has led to some tough problems that we need to study carefully. Additionally, "Learning English in Kazakhstan can be challenging for students, as many still rely on their first language in the classroom. Beisenbayeva (2020) found that secondary school students often use Kazakh or Russian due to low self-confidence, fear of criticism, and limited opportunities to practice English, highlighting the need for more supportive and English-rich learning environments."

A significant challenge is linked to how well elementary teachers know the language and how prepared they are to teach. According to Yelubayeva et al. (2023) highlight that "Language education in Kazakhstan faces challenges such as rigid curricula, limited resources, insufficient teacher training, and low student engagement, and stress that comprehensive reforms are needed to support sustainable development goals." Even though the lesson plans call for teaching that involves talking, working together, and focusing on the kids, a lot of teachers still use old-fashioned ways because they haven't had enough training or aren't good enough with the language. Because of this, classes frequently focus on remembering words and grammar rules instead of truly talking to each other. Another ongoing problem is that teaching supplies and technology are not shared equally. Schools in cities usually have smartboards, online books, and programs for learning languages, but many schools in the countryside have to use old or missing materials. This difference in technology changes how good and different the learning activities are that teachers can provide.

The learning environment in classrooms also makes things hard for young students. Big classes, which sometimes have more than 20 students, mean that students don't get as many chances to practice on their own and that teachers and students don't talk to each other as much. In these situations, students might not participate as much and might not be able to feel confident or get better at speaking and listening well. Also, because kids don't get to hear or use English outside of school, many of them don't have the chance to hear or use the language in real situations, which makes it harder for them to stay interested and motivated.

Methodology. This section details the methodological approach implemented to explore the hurdles encountered by young students as they learn a second language—specifically English—in primary schools located in Kazakhstan. It specifies the research strategy, the standards used for selecting participants, the instruments employed to gather data, and the methods for collecting information pertaining to the students' educational journey. The meticulous application of these methodological elements guarantees both the authenticity and consistency of the study's conclusions.

The selection of participants adhered to the following requirements for inclusion: Enrolled primary school pupils in Grade 3 at the participating public school situated in Kazakhstan. Pupils who are presently learning English as a component of the standard national educational program. Pupils were excluded based on the following criteria: A convenience sampling approach was utilized. The research was conducted in a single rural public primary school found in southeastern Kazakhstan. All students enrolled in Grade 3 given an invitation to participate. A total of 20 pupils were contacted, with 15 of those pupils successfully completing the questionnaire, which resulted in a participation rate of 75%. Involvement was based on voluntary participation and self-selection.

The Kazakh Ablai Khan University of International Relations and World Languages carefully reviewed and gave its approval to the study plan. Ethical guidelines for conducting studies involving minors were rigorously upheld. Written permission was secured from parents or legal guardians, and students supplied written assent prior to engaging in the study. No monetary rewards or other types

of inducements were provided. All collected responses were kept anonymous, and no private data that could be used to identify anyone was gathered. Data gathering happened in November of 2025 on the school grounds during a typical school day. The survey was conducted within the classroom during an allocated time slot that was mutually decided upon in collaboration with the school's administration. The pupils completed the survey on their own using paper, and they had the choice to ask for clarification if necessary. The amount of time needed to finish ranged from 20 to 25 minutes. Given that the research involved a single group completing a questionnaire that was not invasive, masking (blinding) was not relevant. Both the students and the person in charge of the research were fully aware that the study's primary emphasis was on challenges encountered while learning English.

Primary Instrument: 12-Item Questionnaire. For the explicit objectives of this research, a specialized questionnaire was designed, drawing upon global research pertaining to the early stages of foreign language acquisition, the psychology of young students, and the obstacles to education that are seen in primary school settings. The instrument was composed of: 4 questions regarding demographics, 12 questions evaluating perceived difficulties in the process of acquiring English. The questions were made to find out the main problems students face when learning English. These problems were grouped into five categories:

- Linguistic obstacles: For example, difficulty understanding spoken English and trouble remembering new words.
- Psychological and emotional obstacles: Such as feeling shy or being afraid to speak in class.
- Teaching and classroom obstacles: For example, crowded classrooms or not getting enough feedback from the teacher.
- Resource and technology obstacles: Like not having enough books, pictures, or audio materials to help with learning.
- Home environment and exposure: For example, not having a chance to practice English at home.

Result. This section details the results derived from the distributed survey, with a focus on the problems encountered by elementary students as they learn English. The statistical summaries and measurement qualities of the assessment tool are documented. A group of 15 students participated in this research. Table 1 provides a breakdown of the sample's background traits.

Table 1.

Demographic Characteristics of Participants (N = 15)

Variable	Category	Frequency	Percentage (%)
Grade Level	Grade 3	15	100
Gender	Male	7	46.7
	Female	8	53.3
First Language	Kazakh	15	100
Time Studying English	< 1 year	15	100

Table 2. presents the descriptive statistics for students' responses to the 12-item questionnaire assessing various types of learning challenges. Responses were rated on a 5-point Likert scale (1 = never, 5 = always).

Table 2.

Descriptive Statistics of Perceived Challenges (N = 15)

Challenge Category	Mean	SD	Interpretation
Linguistic obstacles	3.8	0.9	Moderate to high difficulty
Psychological/emotional obstacles	3.5	1.0	Moderate difficulty
Teaching methods/classroom environment	3.2	0.8	Moderate difficulty
Resource and technology related obstacles	2.9	0.7	Low to moderate difficulty
Home environment/exposure	3.6	0.9	Moderate difficulty

Interpretation: Students reported the greatest challenges in linguistic obstacles (e.g., understanding spoken English and remembering vocabulary) and home environment/exposure. Resource limitations were the least frequently reported obstacle. The reliability of the 12-item questionnaire was assessed using **Cronbach's alpha**, which measures internal consistency.

Table 3.

Values

Scale	Cronbach's α
Overall questionnaire	0.82
Linguistic obstacles subscale	0.78
Psychological/emotional subscale	0.75
Teaching methods/environment	0.70
Resources/technology	0.68
Home environment/exposure	0.73

Interpretation: The questionnaire was reliable, with a Cronbach's alpha of 0.82, which means the questions measured students' challenges consistently. Each category of questions (subscale) also showed good reliability, with alpha values of 0.68 or higher. This shows the survey is a valid tool for finding out the difficulties young students face when learning English. The open-ended question showed similar results. Students often mentioned: -Trouble remembering English words. -Being afraid to speak in front of the class. -Not having chances to practice English at home. -Difficulty understanding the teacher during lessons. These answers match the trends from the Likert-scale questions, confirming that the main challenges reported by students are consistent across different types of questions.

Discussion. This research delved into the problems encountered by elementary students in Kazakhstan's countryside as they learned English. The outcomes indicated that difficulties with language, like grasping spoken English and recalling new words, were the biggest hurdles. Mental and emotional aspects, notably a reluctance to speak, also had an impact on their learning. Problems in the classroom and a lack of resources were cited less often, but minimal contact with English outside school was a significant impediment. The survey had a high level of dependability (Cronbach's $\alpha = 0.82$), showing it reliably measured students' views of the problems they faced. The outcomes demonstrate that language skills and the home environment both greatly impact learning English. Mental blocks suggest that self-assurance and a readiness to engage are extremely important for learning a language, which backs up earlier research that emphasized how a student's feelings play a part (Mac-Intyre, 1999). The somewhat difficult teaching methods suggest that big classes or not enough feedback from the teacher might cut down on individualized help, which is in line with what Al-Mekhlafi and Nagaratnam (2011) discovered. These results match earlier research done in Central Asia, which points out that language difficulties and little exposure at home are major obstacles in the countryside (Rakhmanova, 2020). Mental and emotional stumbling blocks match global studies on how much

things like drive, worry, and self-belief matter when learning a language early on (Lightbown & Spada, 2013).

The research was done in just one rural school using a sample group that was easy to get, which makes it hard to apply the findings broadly. The data depended on what students said about themselves, which could bring in prejudice, and it centered only on students who had studied English for less than a year. Future studies need to look at many schools in both rural and urban areas and watch students over time. Research on treatments that test ways to make the most of home exposure, using technology, and building students' confidence could help get past the problems that have been found.

Conclusion. This investigation centered on the challenges encountered by third-grade pupils who were new to learning English in a rural elementary school in Kazakhstan. The findings clearly reveal that young learners grapple with a combination of linguistic, psychological, environmental, and pedagogical difficulties, which impede their initial advancement in acquiring a second language. Among all the explored domains, language-related challenges, notably comprehending spoken English and remembering new vocabulary, surfaced as the most prominent concerns. The limited exposure to spoken English outside of the classroom exacerbated these challenges, highlighting the necessity for consistent language immersion to foster self-assurance and communicative proficiencies in young students. The outcomes derived from this inquiry reinforce antecedent investigations conducted both within Kazakhstan and on a global scale. Existing research underscores the importance of proficient instructors, modern teaching methodologies, and ample resources for the efficacious instruction of languages to young learners. Despite the research being confined to a single rural school and a limited cohort of students, its results furnish valuable insights into the intricacies of foreign language instruction within Kazakhstan's primary educational framework.

To attain enhanced outcomes for young learners, educational institutions and policymakers ought to prioritize the enhancement of teacher education, the augmented accessibility of learning provisions, and the establishment of avenues for external English immersion and practical utilization. Engaging parental participation, integrating technology into the classroom setting, and adopting captivating teaching strategies can facilitate students in cultivating more robust linguistic capabilities and fostering heightened motivation. Addressing these interconnected challenges is of paramount importance in cultivating a more conducive, equitable, and communicative milieu for Kazakhstan's youngest pupils to acquire proficiency in foreign languages.

References:

1. Al-Mekhlafi, A. G., & Nagaratnam, R. P. (2020). Challenges in teaching grammar in modern EFL classrooms. *International Journal of Instruction*, 13(1), 45–60.
2. Beisenbayeva, A. (2020). Language use and English learning barriers among Kazakhstani students. *Journal of Educational Studies*, 12(3), 45–53.
3. Lightbown, P. M., & Spada, N. (2021). *How languages are learned* (5th ed.). Oxford University Press.
4. MacIntyre, P. D. (2020). Anxiety, motivation, and young language learners: New perspectives. In A. S. Smith (Ed.), *Affective factors in second language learning* (pp. 20–38). Routledge.
5. Rakhmanova, A. (2021). Barriers to English language acquisition in rural Central Asian schools. *Central Asian Journal of Education*, 7(2), 30–42.
6. Yelubayeva, D., Mussabekova, S., & Kunanbaeva, S. (2023). Foreign language education challenges in Kazakhstan: Curriculum reform and teacher readiness. *International Journal of Language Education*, 7(2), 15–27.

RUBRIC

«PHILOLOGY»

THE IMPACT OF ENGLISH AUDIO MATERIALS ON ENGLISH LEARNING

Aryntaikyzy Ademay

Student,

*Nazarbayev Intellectual School of Science
and Mathematics in Taldykorgan,
Republic of Kazakhstan, Taldykorgan*

Aryntaikyzy Altynay

Student,

*Nazarbayev Intellectual School of Science
and Mathematics in Taldykorgan,
Republic of Kazakhstan, Taldykorgan*

Bussygina Tatyana

English teacher,

*Nazarbayev Intellectual School of Science
and Mathematics in Taldykorgan,
Republic of Kazakhstan, Taldykorgan*

Abstract. Enhancing English through listening to audio materials such as podcasts and songs can become an alternative way to traditional learning methods. These materials contain diverse themes and provide learners with a wide range of vocabulary, speech structures and others. In addition, this form of learning not only improves language skills, but also broadens the horizons of world-viewing. Listening to podcasts and songs can make a person more self-confident in real life conversation, as they demonstrate how people communicate in common circumstances. This approach makes learning much more funny and interesting for teenagers, so motivation becomes natural-not forced.

Keywords: English, podcast, skills, song, method, improve.

English is the most spoken language in the world, it has more than 1 billion speakers today. It has even become an inseparable part of our daily life. Imagine enhancing your English skills while just listening to your favorite podcast or music. This unique method provides you with knowledge and enjoyment at the same time. For example, instead of reading big textbooks, students just can immerse in lively speech and captivating stories. Listening to English audio materials, like songs and podcasts can be a potential way to improve not only your listening skills, but also to enrich your lexicon, enhance pronunciation and booster critical thinking. Due to the availability of this method, it has become a widespread way of learning a language. But how exactly it affects the way we learn English?

Audio materials are not just recordings to listen to every day, they are essential tools for learning a new language online by yourself. The most effective audio resources are podcasts and songs. They cover an enormous range of topics, including personal development, educational themes and global politics. This variety of themes provides an opportunity to extend vocabulary in different spheres of life and improve understanding of words' meanings. Additionally, it shows how to use new vocabulary correctly in both speech and writing. Many people still cope with understanding real-life conversations, and one of the key advantages of audio materials is that they reflect how people communicate

in real environment. They include different accents, speaking speeds, dialects and phrases. It accustoms learners to know how expressions are used naturally in everyday speeches. “This helps learners understand how conversations are structured, which phrases and expressions are used in everyday speech, and how to keep a conversation going.” [3] The different paces of talking provides a learner with an adaptation skill to fast talks of native speakers. Furthermore, it helps with recognizing sarcasm, humor and lifestyle expressions. And the most beneficial advantage of using podcasts and songs in learning foreign language is that it makes it more enjoyable to a person, because you choose topics on your own and a learner improves their skills while relaxing. Moreover, since a learner already listens to it every day, their brain starts to recognize correct sentences, verb forms and prepositions, so, he learns unconsciously. “In an era where time constraints and financial limitations often hinder access to traditional language courses, podcasts offer a viable alternative. They are typically free or low-cost, easily accessible via smartphones or computers, and can be integrated into daily routines, such as commuting or exercising.” [6, p. 565] Also, we conducted a survey to find out how podcasts really affect the way students learn language, 38 students of the Year 10 were the participants of it. They had the same level of English and listened to podcasts during the academic term from September 1 to October 24, 2025. At the end of the term, a survey was conducted, and the results showed that in fact, 84.2% (32 respondents) claimed that podcast assignments helped improve their language skills, while 86.8% (33 respondents) considered podcasting a useful tool for introducing and practicing new vocabulary.

In conclusion, listening to the audio materials, like songs and podcasts plays a crucial role in English acquisition. Learners can easily integrate such method in their daily routines, for instance, they can listen to podcasts while cleaning up or exercising. However, if a person doesn't use it appropriately, it wouldn't immerse his knowledge in language. So, it is important to listen attentively and with the mind. Audio materials can be an effective way to improve English skills and widen the outlook simultaneously. The significance of this method lies in the fact that it provides free access to language education and can be used by everyone on a daily basis.

References:

1. Advantages of using podcasts in teaching foreign languages [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/preimuschestva-ispolzovaniya-podkastov-v-obuchenii-in-ostrannym-yazykam/viewer> (дата обращения: 09.12.2025).
2. Betty Rose Facer, Mohammed Abdous. Academic Podcasting and Mobile Assisted Language Learning: Applications and Outcomes. – Hershey : IGI Global, 2011.
3. How podcasts can improve English language skills for students [Электронный ресурс]. – URL: <https://grade-university.com/blog/using-podcasts-to-enhance-english-skills> (дата обращения: 10.12.2025).
4. John Flowerdew, Lindsay Miller. Second Language Listening. – Cambridge : Cambridge University Press, 2005.
5. Melodies, Rhythm and Cognition in Foreign Language Learning : коллективная монография / под ред. M. C. Fonseca-Mora, M. Gant. – Cambridge : Cambridge Scholars Publishing, 2015.
6. The Role of Podcasts in Enhancing Language Learning [Электронный ресурс]. – URL: <https://ejournal.staialhikmahpariangan.ac.id/Journal/index.php/jiltech/article/view/775/428> (дата обращения: 09.12.2025).
7. Why is music a powerful tool for learning English? [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.vellso.com/blog/why-music-is-powerful-tool-for-learning-english> (дата обращения: 08.12.2025).

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Электронный научный журнал

СТУДЕНЧЕСКИЙ ФОРУМ

№ 40 (349)
Декабрь 2025 г.

Часть 2

В авторской редакции

Свидетельство о регистрации СМИ: ЭЛ № ФС 77 – 66232 от 01.07.2016

Издательство «МЦНО»
123098, г. Москва, ул. Маршала Василевского, дом 5, корпус 1, к. 74
E-mail: studjournal@nauchforum.ru

16+

